

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

ВРЕМЯ — НАЗАД!

ЭКСМО

Алексей Калугин
Время – назад! (сборник)

«ЭКСМО»

Калугин А. А.

Время – назад! (сборник) / А. А. Калугин — «Эксмо»,

Кому нужна жестокая, бессмысленная война с высадившимися на Марсе таинственными пришельцами? Кто посадил на российский престол нового императора родом из Перу? Что делает в Москве приятель Агасфера и почему Лазарь мечтает о смерти? Почему земляне готовы отказаться от вечной жизни, дарованной внеземными гостями? Можно ли совершить преступление во сне? И, конечно же, что случится, если время повернет вспять?.. Все это – в сборнике рассказов самого неожиданного русского фантаста Алексея Калугина! В сборник вошли рассказы: • Рождество рядового Берковица • Колдун • Рассвет потерянных душ • Побочный эффект • Больше хороших новостей • Только один день • Поделись со мной своей печалью • Реквием по мечте • Большая литература • Империя подставилась под удар • Голова-комод • В саду • Разлученные • Завтра, вчера, всегда • Свой Марс • Смысл жизни по Юрию Семяцкому • Сезон открыт • Убирайтесь вон из моих снов! • Время – назад! • А у нас – декаданс! • Советник по культуре • Старики • Синдром Лазаря • Крылья над миром • Срывающий Маски • Лжец

© Калугин А. А.

© Эксмо

Содержание

Первая марсианская	5
Рождество рядового Берковица	5
Колдун	16
Рассвет потерянных душ	23
Побочный эффект	30
День за днем	44
Больше хороших новостей	44
Только один день	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Калугин

Время – назад!

Первая марсианская

Рождество рядового Берковица

Мне казалось, что я умер.

Черт возьми, это было совсем не так уж плохо, как может показаться живым. В особенности человеку, которому ни разу не довелось побывать на нашей передней линии обороны в тот момент, когда трагги ведут массированный артобстрел.

Мне казалось, что умерли все.

Я – это уж само собой. А также командир нашего расчета лейтенант Шнырин и двое моих приятелей – рядовые Динелли и Берковиц, – с которыми мы вот уже пятую неделю сидели в грязной, вонючей песчаной яме, рядом со здоровенным стальным монстром, из которого мы время от времени, выполняя приказы командования, палили куда-то в небо. Весь расчет строился на том, что наши снаряды непременно угодят в окопы траггов. Возможно, так оно и было. Да только нам об этом ничего не было известно. Мы предпочитали не высовываться за бруствер. Так было проще – война превращалась в набор рутинных действий, которые каждый из нас должен был совершать.

Так продолжалось до тех пор, пока шальной снаряд траггов, пролетевший по какой-то совершенно немислимой траектории, не взорвался, зарывшись в заднюю стенку нашего окопа.

Наибольшее удовольствие мне доставляло полное безмолвие, присущее, как оказалось, потустороннему миру. Тишина на войне – сама по себе вещь почти немислимая. Все время вокруг тебя что-нибудь грохочет, стреляет или взрывается. На худой конец, командир орет как оглашенный, пытаясь перекрыть треск статических помех в надежде, что его доклад будет услышан на командном пункте. В такие минуты у меня порою возникали сомнения, есть вообще кто живой на противоположном конце линии связи или же лейтенант просто бросает слова в пустоту, дабы убедить себя и нас, что командование о нас пока еще не забыло?

Нет, конечно же, о нас не забывали. Доставка провианта, воды, почты и – что самое главное! – боеприпасов осуществлялась бесперебойно. Незадолго до накрывшего нас взрыва с той стороны песчаной пустыни, которую мы отчаянно обороняли, к окопу подъехал радиоуправляемый автокар и свалил на землю груды алюминиевых ящиков. Ко всеобщей радости, среди стандартных маркированных контейнеров оказался и мешок с почтой.

Разбросав в сторону ворох газет, которые давно уже никто не читал, мы выгребли из мешка письма. Три письма лейтенанту Шнырину, одно – мне и по два Динелли и Берковицу.

Последнему, помимо писем, предназначалась еще и небольшая картонная коробка.

– Это от мамы, – благоговейным полупшепотом сообщил Берковиц, взяв в руки посылку. Мы все затаив дыхание наблюдали, как он открывал коробку. Словно надеялись, что сейчас произойдет чудо.

Но чуда не произошло. В коробке находился торт домашней выпечки, от которого за то время, пока посылка проходила по всем инстанциям армейской почты, а затем летела с Земли на Марс, остались только сухие, как камень, бесформенные и местами заплесневевшие куски. Берковиц попытался было погрызть один из них, размочив предварительно в кружке с горячим чаем, но, едва только попробовав то, что получилось, выплюнул и закинул коробку в дальний угол окопа, где у нас находилась мусорная куча.

Но предварительно Берковиц достал из коробки пару красных шерстяных носков ручной вязки. С ними-то за время доставки ничего не случилось.

Натянув один из носков на руку, Берковиц сначала понюхал его, а затем, чуть наклонив голову, медленно провел им по грязной, заросшей недельной щетиной щеке.

Неожиданно выражение лица Берковица изменилось. Он быстро сдернул носок с руки. В руке, зажатая между средним и указательным пальцами, осталась небольшая прямоугольная открытка, на которой была изображена наряженная елка.

– Это что еще такое? – удивленно посмотрел на открытку лейтенант.

Берковиц перевернул небольшой глянцевый прямоугольник и прочитал текст на обратной стороне открытки.

– Поздравление с Рождеством, – сказал он.

И его тонкие губы расплылись в счастливой улыбке.

– С Рождеством? – удивленно переспросил я. – Разве уже был Новый год?

– У вас, русских, все не как у людей, – усмехнувшись, махнул на меня рукой Динелли. – Рождество приходит на неделю раньше Нового года.

– Да ну? – недоверчиво посмотрел я на Динелли: итальянец был мастером на всевозможные розыгрыши.

– Точно, – кивком подтвердил его слова лейтенант Шнырин. – У католиков Рождество наступает на неделю раньше Нового года.

– Слушай, а ты разве не еврей? – спросил я у Берковица.

– Еврей, – кивнул тот.

– Так какой же ты в таком случае католик?

– А я и не говорю, что католик.

– Разве у евреев тоже бывает Рождество?

– Рождество давно уже стало для всех праздником, не имеющим никакого отношения к религии, – ответил Берковиц. – Это что-то вроде подготовки к празднованию Нового года.

– Где же в таком случае официальное поздравление от командования? – поинтересовался Динелли.

– Откуда мне знать? – пожал плечами лейтенант. – Кто-нибудь вообще-то знает, какое сегодня число?

Ответить ему не смог никто.

С того момента, как мы десантировались на Марс, время для нас перестало существовать. Оно исчезло неизвестно куда: то ли оказалось разорванным в клочья воющими, словно бешеные псы, снарядами траггов, то ли растворилось в нашем собственном тягостном ожидании очередного артобстрела. Наверное, и красноватые марсианские сумерки также не способствовали быстрой и безболезненной адаптации к новому режиму смены дня и ночи. Хотя, скорее всего, все дело было в том, что после недельного пребывания в окопах всем нам стало до такой степени омерзительно и одновременно безразлично все, что происходило вокруг, что мы подсознательно перестали обращать внимание на ход времени. В конце концов, не все ли равно, как долго ты просидишь в грязном, вонючем окопе, питаясь просроченными консер-

вами, вызывающими не столько чувство насыщения, сколько мучительную изжогу, и запивая их абсолютно безвкусной коричневатой бурдой, которую в зависимости от того, что значилось на этикетке, мы называли то чаем, то кофе, если в конечном итоге всех нас ожидал один и тот же подарок – случайно залетевший в окоп вражеский снаряд.

Случайно, потому что конкретно в наш или в чей-то другой окоп трагги, конечно же, не целились. Они просто молотили наугад по нашей территории. А мы отвечали им тем же.

Такая война могла продолжаться до бесконечности.

Но вот из-за чего она, собственно, началась, мы, те, кто вот уже без малого два месяца сидит, зарываясь все глубже в красноватый марсианский песок, скорее всего, никогда уже не узнаем. Войну начинают президенты и стоящие за их спинами генералы. Нам же, простым рядовым, сержантам, как, впрочем, и младшим офицерам вроде командира нашего артиллерийского расчета лейтенанта Шнырина, предоставляется только право героически погибнуть на этой войне. Если полистать газеты, которые мы давно уже не читаем, то на страницах, где речь идет о боевых действиях, можно найти списки особо отличившихся и получивших за это высокие правительственные награды солдат, а рядом – описания совершенных ими подвигов. Возможно, на Земле кто-то и принимает эти сводки за чистую монету, но мы-то отлично знаем, чего они стоят. Человека разорвало на куски снарядами траггов, когда он вылез из окопа, чтобы, спустив штаны, посидеть спокойно на корточках пару минут в стороне от всех, а в газете напишут, что он героически погиб во время боевой операции, до конца исполнив свой воинский долг.

Тупая, бестолковая война.

Наверное, все было бы не так ужасно, если бы каждый из нас мог четко представить себе, ради чего мы сражаемся и гибнем на планете, до которой прежде никому на Земле не было дела.

На идее колонизации Марса был поставлен большой и жирный крест лет десять назад, после того как очередная попытка отыскать запасы воды завершилась неудачей. Вода на Марсе была, но не в тех количествах, какие требовались для того, чтобы колонисты могли начать полномасштабную хозяйственную деятельность. А может быть, нам просто не удалось ее найти. Какая разница. Суть в том, что Международная организация стратегического планирования, заслушав очередной доклад представителя Комитета по аэронавтике и исследованиям космического пространства, вынесла вердикт, что деньги налогоплательщиков, вкладываемые в изучение Марса, расходуются понапрасну. Все. Программе исследования и освоения планет Солнечной системы пришел конец. Предназначенные для нее средства были направлены в иное, более перспективное русло.

На Марсе продолжали работать две или три геологические экспедиции. Но все это была рутина. Мы просто обозначили свое присутствие на Марсе, а вовсе не пытались отыскать пути к потенциальным богатствам почти не исследованной планеты. С теми скудными средствами, что имелись в распоряжении организаций, занимавшихся изучением красной планеты, они не имели практически никаких шансов сделать открытие, которое смогло бы вновь привлечь к нему внимание общественности.

На Марсе работала еще и археологическая экспедиция, организованная на средства некоего богатого мецената, который надеялся отыскать под красными песками следы пребывания инопланетян и тем самым обессмертить свое имя. Насколько мне известно, результаты трехлетней работы экспедиции нельзя было назвать хотя бы обнадеживающими.

О Марсе вспомнили вновь, только когда появились трагги.

Наверное, сегодня восстановить первоначальную цепочку событий, приведших в конечном итоге к войне, не сможет никто. Быть может, только траггам известно, как все произошло на самом деле. Мы же, как всегда, стали жертвами собственной политики секретности, которая, естественно, оправдывалась исключительно интересами национальной безопасности.

Говорят, как только в Межгосударственный совет Земли поступило первое сообщение о приближении к границам Солнечной системы флотилии инопланетных кораблей, на всю информацию, касающуюся данного факта, был наложен гриф строжайшей секретности. Посоветовавшись, члены совета пришли к выводу, что сообщение подобного рода, переданное через средства массовой информации, непременно вызовет вспышку панических настроений среди населения. А потому, чтобы избежать утечки информации, все астрофизические лаборатории были переведены на военное положение. Служащим было запрещено покидать прилегающие к обсерваториям территории, обнесенные колючей проволокой и контролируемые войсками особого назначения, а поговорить по телефону с родственниками они могли только через процессорный фильтр, который мгновенно обрывал связь, как только улавливал одно из нескольких тысяч заложенных в его памяти ключевых слов, произносить которые строжайшим образом запрещалось. Все лабораторные компьютеры, естественно, были отключены от Всеобщей коммуникационной сети, что также создало определенные проблемы для исследователей космоса.

Но, несмотря на ухищрения тех, кто хотел все сохранить в секрете, информация о кораблях инопланетян каким-то образом все же просочилась во внешний мир. Слухи распространялись со скоростью лесного пожара, а сообщения информационных агентств, старательно опровергающие их, только подливали масла в огонь. Кстати, никто не знает, откуда появилось само название инопланетян. Траггами их стали называть задолго до того, как глава Межгосударственного совета объявил о том, что над Землей нависла угроза инопланетного вторжения. Берковиц говорил, что траггами называли инопланетян в одном из старых фантастических телесериалов. Не знаю, я такого сериала не помню.

Кто проводил переговоры с траггами, какие вопросы на них обсуждались и каковы были их результаты, также до сих пор хранится в тайне. Официальное заявление о прибытии звездного флота пришельцев было сделано только после того, как трагги высадились на Марсе. И сводилось оно к тому, что мы должны – да нет, не должны, а просто-таки обязаны! – дать отпор инопланетным агрессорам, вторгшимся на нашу территорию! Каковой было решено считать всю Солнечную систему. Официальная пропаганда уверяла, что трагги избрали Марс в качестве своей военной базы. Основной же их целью, вне всяких сомнений, является Земля, удар по которой они нанесут сразу после того, как закрепятся на соседней планете. Ну а мы, само собой, не могли допустить подобного и должны были начать бить врага на его, то есть на нашей, территории. Короче: не отдадим врагу родного Марса!

Мне с самого начала все эти заявления казались несусветной глупостью. Ни один корабль траггов даже не пересек орбиту Марса, чтобы хотя бы попытаться приблизиться к Земле. Учитывая то, что Земля не имела никакой орбитальной системы безопасности, корабли траггов без боя могли занять господствующее положение в околоземном пространстве. После этого ни один корабль землян попросту не смог бы даже выйти на орбиту.

Но вместо этого трагги высадились на Марсе. А это означало, что им был нужен именно Марс, а не Земля.

Берковиц – парень башковитый. Честно признаться, когда речь заходит о вторжении траггов, я склонен в большей степени верить его догадкам, которые сам он называет аналитической реконструкцией цепочки событий, приведших к известным нам результатам, нежели заявлениям официальной пропаганды, забывшей обвинить траггов разве что только в том, что во время своих религиозных церемоний они приносят в жертву человеческих младенцев.

В соответствии с версией Берковица трагги не имели никаких агрессивных намерений. Они путешествовали в космосе в поисках пригодной для жизни планеты. Возможных причин, заставивших траггов покинуть родную планету, Берковиц называл с десятков, начиная с экологической катастрофы и заканчивая бегством инакомыслящих из мира, которым правил

некий безумный диктатор. Марс показался траггам вполне подходящей планетой для основания новой колонии. А поскольку планета была необитаемой, они предъявили на нее свои права.

Планету, осваивать которую у нас не было ни желания, ни средств, заняли чужаки. Мы же вместо того, чтобы подумать, какую совместную пользу можно из этого извлечь, принялись с ревом колотить себя кулаками в грудь, подобно своим первобытным предкам. Мол, самим нам Марс задаром не нужен, но с чужаками все равно делиться не станем!

Хотя, скорее всего, все дело было не в уязвленном самолюбии землян, а в каком-нибудь невероятно хитроумном политике, который попытался сдать Марс траггам в аренду на таких кабальных условиях, что его без долгих разговоров просто выставили за дверь. Ну а он, естественно, дабы не ударить в грязь лицом, объяснил подобные действия траггов их злонамеренностью и природной агрессивностью.

Что бы там ни произошло на самом деле, привело все это к тому, что грузовые космические корабли, которые в свое время предполагалось использовать для колонизации Марса, были выведены в космос с трюмами, загруженными автоматическими посадочными модулями, под завязку набитыми солдатами и боевой техникой.

И вот теперь мы четверо – я, лейтенант Шнырин, рядовой Динелли и рядовой Берковиц – сидим в вонючей яме, именуемой окопом, и любуемся блестящей металлической конструкцией, способной время от времени выбрасывать снаряды в сторону позиции траггов. Нам кажется, что мы сидим здесь уже целую вечность, что про нас давно уже все забыли, а автокар, подвозящий к окопу боеприпасы и провиант, работает в автоматическом режиме и будет кататься туда-сюда, от склада к передовой, до тех пор, пока шестеренки на его гусеницах не сотрутся от красноватого марсианского песка, обладающего потрясающей способностью набиваться во все щели.

Мы давно и безнадежно потеряли счет дням. Поэтому, когда лейтенант Шнырин спросил, не знает ли кто, какое сегодня число, никто не смог ответить.

На мой взгляд, сегодняшняя дата не имела никакого значения. Точно так же, как и день недели. А Берковиц с присущим ему висельническим юмором заметил, что для человека важны только две даты – те, которые будут выбиты на его могильной плите.

Но лейтенант почему-то решил, что нужно непременно выяснить, какое сегодня число. С этой целью он подошел к дальней стенке окопа и, присев на корточки, принялся перебирать доставленные с почтой газеты.

– Какая разница. – Берковиц присел на ящик со снарядами и, откинув голову назад, так что каска уперлась в стенку окопа, посмотрел на багровое небо, расчерченное длинными полосами коричневатых облаков. – Сегодня Рождество, потому что я получил поздравление с праздником.

– Католическое или православное? – попытался пошутить Динелли.

– Оба сразу, – совершенно серьезно ответил ему Берковиц, по-прежнему не отрывая взгляда от коричневых марсианских облаков. – Оба сразу, друг мой. И если ты скажешь, что такого не бывает, я отвечу тебе, что жизнь – это сон, который неожиданно превратился для всех нас в горячечный бред.

Я сидел у орудийного лафета и, скрестив руки на поднятых коленях, угрюмо смотрел в землю. Мне было абсолютно все равно, какой сегодня день и что за праздник на него упал. Я хотел пива и ни на секунду не мог отвлечься от этого идиотского и совершенно невыполнимого желания.

– Вот! Нашел! – радостно воскликнул лейтенант Шнырин, вскинув над головой руку с зажатым в кулаке газетным листом.

И в этот момент все мы услышали нарастающий вой снаряда, летящего в нашу сторону.

На войне одиночный снаряд всегда кажется страшнее массивного артобстрела. Эффект чисто психологический – слушая приближающийся вой летящего снаряда, который

с каждой секундой становится все громче и пронзительнее, думаешь, что он непременно упадет именно в твой окоп. Понимаешь, что все это глупость, и все равно замираешь в ожидании неминуемого взрыва.

Так и в тот раз мы все замерли: я – возле пушечного лафета, Берковиц – на ящике со снарядами, с запрокинутой к небу головой, Динелли – сидя на корточках, с недокурной сигаретой, которую он держал между большим и указательным пальцами, и лейтенант Шнырин – с мятой газетой в кулаке.

Все.

Больше я ничего не запомнил.

Даже разрыва снаряда, угодившего-таки в наш окоп и в одно мгновение превратившегося в столб песка и пламени, взметнувшийся вверх – к красноватым марсианским небесам.

Сколько продолжалось небытие, наступившее вслед за этим, я не имею понятия.

Потом я услышал непрерывный высокочастотный писк, издаваемый зуммером полевого радиотелефона.

Какое-то время я продолжал лежать, пытаюсь не обращать внимания на посторонние звуки. Я был мертв, и никто не имел права беспокоить меня. Даже сам Господь Бог... Или кто там у них на Небесах встречает вновь прибывших?.. Я заслужил свое право на покой...

Но писк зуммера был настолько омерзительным, что даже мертвого мог поднять из могилы.

Что уж говорить обо мне.

Я поднялся на четвереньки и потряс головой, стряхивая песок с каски. Сплюнув несколько раз, я очистил от песка рот. Если забыть о том, что голова раскалывалась от зверской боли, в остальном я был в полном порядке.

Радиотелефон пищал где-то совсем рядом.

Постояв какое-то время неподвижно на четвереньках, я понял, что если не заставлю его умолкнуть, то голова моя точно лопнет от наполнявшей ее и делавшейся с каждой минутой все плотнее пульсирующей боли.

Протянув руку на звук, я на ощупь отыскал телефонную трубку.

– Слушаю, – прохрипел я в микрофон.

– Отделение сорок два дробь девятьсот четырнадцать! – проорал мне в ухо голос, такой же раздражающе-мерзкий, как и телефонный зуммер.

Непроизвольным движением я отвел руку с зажатой в ней телефонной трубкой в сторону.

Пронзительный голос штабного офицера ввинчивался в ухо, словно сверло, причиняя почти физическое страдание. И это при том, что в воздухе на все голоса завывали сотни летящих снарядов и еще примерно такое же их число разрывалось с диким грохотом, вспахивая скудную марсианскую почву. Быть может, политая кровью погибших солдат, она когда-нибудь станет плодородной?

– Отделение сорок два дробь девятьсот четырнадцать?! – снова проорала трубка, на этот раз с вопросительными интонациями.

– Да, – ответил я, осторожно поднеся трубку к уху.

– Кто у телефона?

– Сержант Антипов.

– Сержант! Немедленно передайте трубку командиру отделения!

– Сейчас, – буркнул я в трубку и огляделся по сторонам, ища взглядом лейтенанта Шнырина.

Только сейчас увидев, во что превратился наш окоп, я вспомнил о взрыве.

Снаряд траггов разворотил заднюю стенку окопа, точно в том месте, где находился лейтенант Шнырин. Взорвался он, уже глубоко зарывшись в песок. К тому же снаряд, скорее всего, был не осколочный, а кумулятивный – края пробитой им воронки были покрыты слоем спек-

шегоса песка, похожего на мутное стекло. То ли этот снаряд случайно оказался в обойме у артиллеристов-траггов, то ли они рассчитывали поразить цель посерьезнее нашего окопа – кто его знает? Чудом можно было назвать и то, что не сдетонировали находившиеся неподалеку от эпицентра взрыва ящики со снарядами. Как бы то ни было, только совокупность всех этих факторов спасла от смерти меня. А также Берковица с Динелли, которые сидели среди кучи пустых ящичков из-под снарядов, полусасыпанные песком, и обалдело хлопали глазами.

А вот от лейтенанта Шнырина ничего не осталось. То есть вообще ничего. Даже кровавых пятен на песке. Так что если наше командование все еще продолжает отправлять своих погибших солдат на Землю, а не перешло на более дешевый и рациональный способ захоронения здесь же, в марсианских песках, то жена Шнырина, о которой он без конца вспоминал, получит пустой гроб, покрытый двумя флагами: Российским и Организации Объединенных Наций.

Зато пушка наша была в полном порядке. Разве что несколько съехала влево. Хотя вполне вероятно, что мне это только казалось – зрение все еще было расфокусировано.

Я снова взял в руку телефонную трубку.

– Сожалею, но лейтенант Шнырин подойти к телефону не может.

– Что значит «не может»?! – Трубка, словно живая, едва не выскочила у меня из руки, пытаюсь как можно ближе к оригиналу воспроизвести праведное возмущение вибрирующего в ней голоса.

– Не может, потому что его нет, – спокойно ответил я.

Спокойно, потому что мне было абсолютно наплевать на то, какое впечатление это произведет на штабного офицера. Злиться он мог сколько угодно, а вот сделать со мной не мог ничего. Худшего места, чем то, где я находился в настоящий момент, придумать было просто невозможно. Во всяком случае, моя фантазия была в этом плане бессильна. Вокруг нашего окопа рвались снаряды траггов, и каждый из них мог оказаться для меня последним. Так же, как и для лейтенанта Шнырина.

– Как это нет?! Почему командира отделения нет на месте?! – продолжала между тем вопить телефонная трубка.

– Потому что он убит прямым попаданием снаряда, – все так же спокойно ответил я. И на всякий случай уточнил: – Вражеского снаряда.

Телефонная трубка на мгновение умолкла.

– Орудие цело? – спросила она уже более спокойно через несколько секунд.

Вот же подлец! Что бы сначала поинтересоваться, нет ли у нас других потерь? Так нет же, его в первую очередь интересуется, уцелела ли пушка!

– А что ему будет? – с затаенной злостью ответил я. – Оно же железное.

Мой сарказм остался непонятым.

– Сержант Антипов! Принимайте командование отделением!.. – И только сейчас он подумал о том, что, кроме меня, в отделении могло больше никого не остаться. Хотя волновали его опять-таки не судьбы конкретных людей, а вопрос, сумею ли я один справиться с орудием. – Сколько человек у вас в отделении?

– Вместе со мной трое, – ответил я, глядя на то, как, словно внезапно ожившие древние чудовища, тяжело и медленно выбираются из-под песка Динелли и Берковиц.

– Приказ: немедленно открыть огонь по неприятелю! Записывайте координаты цели, сержант!

– Записываю. – Прижав трубку к уху плечом, я достал из кармана блокнот и авторучку.

– Два-четыренадцать-икс-икс-эль!.. Повторите!

– Два-четыренадцать-икс-икс-эль, – послушно повторил я.

– Выполняйте!

– У меня есть опасения, что орудийный прицел сбит...

– Выполняйте приказание, сержант!

В трубке раздались частые гудки отбоя.

Я удивленно посмотрел на микрофон трубки. С человеком я разговаривал или с компьютером, запрограммированным на скорейшее уничтожение собственных боеприпасов?

Секунду помедлив, я кинул трубку в песок.

– Целы? – спросил я, обращаясь к Берковицу и Динелли.

– Вроде как, – не очень уверенно ответил мне итальянец.

Берковиц в это время стоял на четвереньках и обеими руками разгребал кучу осыпавшегося в окоп песка.

– Чего он там ищет? – спросил я у Динелли.

Тот молча пожал плечами.

– Берковиц!

– Есть! Нашел!

Берковиц вскочил на ноги, радостно размахивая парой красных носков.

– Ну ты и тип, Берковиц!

Я раздраженно сплюнул в песок. Тут нужно было хором молиться всем нашим богам, прося и в следующий раз оставить нас в живых, а он в песке роется, ищет носки, которые, быть может, и не наденет ни разу в жизни.

– А что с лейтенантом? – спросил Динелли, глядя на воронку со спекшимся по краям песком, словно сам не понимал, что произошло с командиром.

Я молча скрестил руки.

Берковиц сдвинул каску на лоб и поскреб грязными ногтями стриженный затылок.

– Зато мы теперь можем быть спокойны, – произнес он едва ли не радостно. – В соответствии с теорией вероятности снаряды дважды в одну воронку не попадают.

– Да иди ты со своей теорией, – махнул на него рукой Динелли. – Все дело не в математике, а в судьбе – кому что на роду написано.

– Ты серьезно в это веришь? – удивленно посмотрел на Динелли Берковиц.

– Я ни во что не верю! – с раздражением ответил тот. – Я просто хочу остаться живым! – Он перевел на меня свой взгляд, который показался мне почти безумным. – Что передали из штаба?

– Велели открыть огонь по неприятелю, – безразличным тоном ответил я.

Мне и в самом деле было все равно. Я не верил в то, что если грохот нашей пушки присоединится к нескончаемой артиллерийской канонаде, то это как-то скажется на ходе боевых действий. На чем это могло отразиться, так разве что только на моей головной боли.

– Ну так что? – непонимающим взглядом посмотрел на меня Динелли. – Мы будем стрелять или не будем стрелять?

– Не вижу причин не выстрелить, – без особого энтузиазма отозвался я и сунул в руки Динелли блокнот с координатами цели.

Пока Динелли наводил прицел, мы с Берковицем подтащили к пушке пять ящиков со снарядами. Обойма и без того была полной, мы делали это только ради того, чтобы чем-то занять себя. Иначе можно было просто сойти с ума от нескончаемого грохота взрывающихся снарядов.

После этого я присел на ящик и закурил, глядя на то, как возится с прицелом Динелли.

Берковиц не курил. Он присел на ящик рядом со мной, вытащив из-за пазухи свои красные носки, и, расстелив на коленке, стал нежно, словно котенка, поглаживать их.

– Готово! – сообщил Динелли, выпрямив спину.

После того как прицел был наведен, а обойма заряжена, командиру отделения только и оставалось, что опустить вниз пусковой рычаг. Что я и сделал не хуже, чем лейтенант Шнырин.

Пушка вздрогнула, как будто почувствовав жизнь в своих металлических сочленениях, и принялась один за другим выплевывать снаряды в заданном направлении.

Вот и все. Больше нам делать нечего. По крайней мере до тех пор, пока обойма не опустеет. Или пока снаряд траггов снова не угодит в наш окоп.

Мы сидели в своем окопе, не видя ничего, кроме кусочка багрового неба, затянутого коричневыми облаками. Трагги могли начать решительное наступление и взять штурмом нашу линию обороны, а мы бы все так же продолжали посылать снаряды неизвестно куда.

Если бы я был верующим, то молился. А так только смолил одну сигарету за другой. До войны я так много не курил, просто дымил за компанию с другими. Теперь же курево было единственным спасением от бессмысленного и бесконечного ожидания конца. Конца очередного артобстрела, конца всей этой проклятушей войны или собственного конца.

Пушка не расстреляла еще и половины обоймы, когда произошло то, что в соответствии с теорией вероятности, в которую безоговорочно верил Берковиц, случиться не могло.

Еще один снаряд траггов упал в наш окоп, угодив на этот раз точно в его середину.

Это был конец.

Конец для нас всех.

Конец, который почему-то не спешил наступить.

Мы все трое замерли в оцепенении, глядя на черную железную болванку, торчащую из песка почти вертикально.

Казалось, время остановилось.

Мы, как три идиота, сидим и смотрим на снаряд, который должен нас убить, но по непонятной причине не делал этого. И только легкая, едва заметная струйка сизого дымка, поднимающаяся от черного цилиндрического тела, упавшего откуда-то с небес и зарывшегося в песок, с непреложной определенностью свидетельствует о том, что все происходит в обычном временном режиме.

Динелли сдавленно зашипел, когда истлевшая до фильтра сигарета обожгла ему пальцы. Но даже после этого он не отшвырнул, как обычно, окурок в сторону, а плюнул на него и аккуратно положил на край ящика.

Берковиц медленно провел языком по сухим губам.

Я снова услышал грохот нашей пушки, продолжавшей все это время посылать снаряды в сторону врага.

– Ну, и что нам делать с этим подарком? – едва слышным шепотом произнес Динелли.

При этом взгляд его оставался прикованным к черному цилиндрическому предмету, который постороннему человеку, не знающему, что за угрозу он в себе таит, не внушил бы ни малейшего опасения.

Очень осторожно, словно боялся, что малейшее сотрясение воздуха может стать причиной взрыва, я пожал плечами.

Берковиц же отреагировал на слова Динелли совершенно неожиданным образом. Он порывисто вскочил на ноги и, крутанув головой, словно филин, посмотрел сначала на Динелли, затем на меня. На лице его сияла невообразимо счастливая улыбка. Я бы, наверное, мог так обрадоваться, только прочитав приказ о своей демобилизации.

– Это подарок! – радостно сообщил нам Берковиц. – Вы что, забыли? Сегодня же Рождество!

– Ты чокнулся, Берковиц? – с тоской посмотрел на идиотски-счастливое лицо солдата Динелли.

– Вы сомневаетесь?..

Берковиц метнулся к неразорвавшемуся снаряду и упал возле него на колени.

Динелли испуганно отпрыгнул за орудийный лафет.

Я тоже невольно подался было назад, но, упершись спиной в стенку окопа, замер на месте.

– Остановись, Берковиц, – сдавленно прохрипел я. – Что ты делаешь?

Берковиц как будто не услышал моих слов. Обхватив снаряд обеими руками, он попытался вытащить его из песка. После того как это ему не удалось, Берковиц принялся, как собака, руками рыть песок вокруг железной болванки. Энтузиазму его можно было только позавидовать. Если забыть о том, что от малейшего неловкого движения снаряд мог взорваться.

Я посмотрел на Динелли, надеясь, что он подскажет мне, как я должен поступить в данной ситуации. Ведь, как ни крути, я был командиром отделения.

Итальянец сидел на лафете пушки, судорожно вцепившись руками в металлическую опору и машинально втягивая голову в плечи всякий раз, когда орудие выплевывало в небо очередной снаряд. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что толку от него сейчас не больше, чем от того же Берковица. Динелли наблюдал за действиями нашего третьего приятеля с таким видом, словно от их конечного итога зависела не сама его жизнь, а огромная сумма наличных, которую он поставил на кон. Что-то должно было основательно сдвинуться в голове у человека, чтобы вполне естественный страх превратился в азарт игрока: чет-нечет, красное-черное, рванет – не рванет.

Снаряды в обойме закончились. Если мы собирались продолжать стрельбу, пушку следовало перезарядить. Но о выполнении приказа штаба сейчас никто не думал. Берковиц сосредоточенно продолжал рыть песок вокруг снаряда. Динелли следил за ним, застыв в напряженном ожидании, – теперь он даже голову в плечи перестал втягивать. А я тупо глядел на двух идиотов и никак не мог решить, что же мне делать: заключить пари с Динелли или помочь Берковицу?

Навалившись на снаряд плечом, Берковиц повалил его не песок.

– Готово! – с чувством выполненного долга тяжело выдохнул он.

После этого Берковиц сел на песок и радостно посмотрел на нас с Динелли.

Динелли осторожно приблизился к черному металлическому цилиндру и присел на корточки. Внимательно осмотрев снаряд, он все так же осторожно протянул руку и перекатил его на другую сторону.

– Болванка, – сообщил он, посмотрев на меня из-под края съехавшей на глаза каски. – Ни заряда, ни взрывателя.

– А я вам что говорил! – торжествующе воскликнул Берковиц.

– А что ты нам говорил? – спросил я у него.

– Это подарок! – Берковиц хлопнул ладонью по боку все еще теплого снаряда-пустышки. – Подарок, посланный нам на Рождество!

– И кто же нам его послал? – мрачно поинтересовался Динелли.

– Трагги! – все тем же радостным голосом возвестил Берковиц.

– Кто?! – в один голос воскликнули мы с Динелли.

– Трагги, – спокойно повторил Берковиц. Он посмотрел на меня, словно надеялся, что я пойму его скорее, чем Динелли. – Трагги, так же, как и мы, не хотят воевать. Им не нужна эта ужасная война. Они сражаются только потому, что дальше им уже некуда лететь. Им нужен Марс, а для нас он до сих пор не представлял никакого интереса. Так чего же ради мы убиваем друг друга?

– Это ты только сейчас придумал? – с сарказмом поинтересовался Динелли.

– Да какая разница, – слегка поморщившись, отмахнулся Берковиц. – Главное то, что этим холостым выстрелом трагги дают нам понять, что хотят прекратить бессмысленную, никому не нужную бойню. Они прислали нам болванку в качестве подарка на Рождество и надеются на то, что мы ответим им тем же!

– Не факт, что сегодня Рождество, – мрачно заметил Динелли. – Лейтенант так и не успел сказать, что он там отыскал в газетах. А теперь нет ни его, ни газет.

– Да? А что ты на это скажешь?! – Берковиц с победоносным видом выдернул из-за пазухи пару красных носков.

– Скажу, что это носки, которые ты сегодня получил с почтой, – криво усмехнулся Динелли.

– Верно, – коротко кивнул Берковиц. – И это значит, что сегодня Рождество.

Сказав это, он внезапно вскочил на ноги и кинулся к пушке.

Мы с Динелли не сразу сообразили, что он задумал.

– Ты куда собрался, Берковиц? – удивленно спросил я. Потом у меня мелькнула мысль, что ему приспичило по нужде, и я добавил: – Неужели не можешь дождаться конца обстрела?

– Если обстрел прекратится, меня прихлопнет кто-нибудь из наших снайперов, – не оборачиваясь, ответил Берковиц.

– Что?

Берковиц ухватился рукой за металлическую скобу и начал карабкаться вверх по стволу пушки.

– Я к траггам, – сообщил он как бы между прочим. – Должны же мы когда-нибудь посмотреть друг другу в глаза.

Я тут же вскочил на ноги.

– Ты в своем уме?!. Рядовой Берковиц, назад!..

Динелли среагировал на слова Берковица куда быстрее меня. Перепрыгнув через лафет, он ухватил Берковица за ногу в тот момент, когда тот уже навалился грудью на бруствер.

Я поспешил Динелли на помощь, но опоздал.

Свободной ногой Берковиц заехал Динелли по каске, и тот, выпустив его ногу, сел на песок.

Перекатившись через бруствер, Берковиц вскочил на ноги и побежал в направлении позиции траггов.

– Назад, Берковиц! – заорал я что было силы, высунув голову из окопа. – Убьют же, идиот!

– Без толку. – Рядом с моей головой возникла голова рядового Динелли. – Он, должно быть, и в самом деле свихнулся. – Сделав паузу, Динелли посмотрел на меня и, как бы извиняясь за что-то, добавил: – Так же, как и все мы здесь.

Вокруг на десятки голосов, словно бешеные демоны, вырвавшиеся наконец на свободу, выли снаряды. От их нескончаемых разрывов сама земля, казалось, вставала на дыбы. И сквозь этот ад, не замечая того, что происходило вокруг, шел человек.

Рядовой Берковиц шел в направлении позиций траггов, словно знаменем размахивая над головой своими красными носками. А мы с Динелли смотрели ему вслед до тех пор, пока фигура Берковица не скрылась за пеленой стелющегося над землей черного дыма. И за все это время рядом с ним не разорвался ни единый снаряд.

Окажутся ли наши снаряды так же милосердны к нему, как и снаряды траггов?

Я опустил на край снарядного ящика.

Рядом со мной присел Динелли.

Достав из кармана мятую пачку сигарет, он молча протянул ее мне. Я машинально взял сигарету и сунул в рот. Динелли щелкнул зажигалкой. Мы по очереди прикурили от красного язычка пламени и, привалившись спинами к стенке окопа, одновременно выпустили из легких дым.

Снова заверещал радиотелефон.

Я подцепил трубку носком ботинка и откинул ее в дальний конец окопа – туда, где нашел свой конец лейтенант Шнырин. Если кто-то в штабе непременно желает передать нам очередной бессмысленный приказ, он сможет сделать это, только если сам явится сюда.

А мы с Динелли будем сидеть на ящике со снарядами, молча курить и ждать возвращения рядового Берковица. Ведь сегодня как-никак Рождество, а значит, может случиться любое чудо.

Колдун

Взвод попал под массированный обстрел вражеской артиллерии, когда, казалось, ничто не предвещало беды. Колдун стоял по щиколотку в жидкой грязи, заполнявшей дно ирригационного рва, и, прижав локтем приклад автомата, пытался прикурить. Задача была непростая – ветер продувал ров, как аэродинамическую трубу. Колдун старался прикрыть ладонью трепещущий язычок пламени зажигалки, но огонек гас прежде, чем он успевал поднести его к сигарете.

– Бросай курить, Колдун!..

Шедший следом за Колдуном рядовой Оглин встал к ветру спиной, давая приятелю возможность спокойно прикурить. И в этот момент на позициях траггов отрывисто рявкнула гаубица. Снаряд разорвался на краю рва, метрах в двадцати от того места, где остановились Оглин и Колдун. Осколком, вошедшим точно под срез шлема, Оглину снесло половину черепа. Теплые брызги крови хлестнули Колдуна по лицу. А Оглин еще какое-то время стоял и смотрел на него мертвыми глазами, в которых уже не было ничего: ни усталости, ни боли, ни сожаления.

Ночью небо на Марсе никогда не бывает абсолютно черным. Во тьме, накрывающей марсианскую пустыню, всегда присутствуют едва уловимые оттенки багрового цвета. А в те часы, когда над горизонтом поднимается Фобос, небо делается похожим на засохшую лужу крови. Прежде чем снаряды обрушились на взвод сержанта Вирана, небо расцвело сполохами желто-зеленых огней, а воздух наполнился пронзительным воем, словно множество бэншей слетелись в одно место, чтобы возвестить о гибели людей. Снаряды, что использовали во время ночных обстрелов трагги, в полете трассировали и издавали жуткие воющие звуки, от которых закладывало уши и кровь, казалось, закипала в жилах. Полковые химики утверждали, что это было связано с особенностью состава взрывчатой смеси, используемой в снарядах. Но те, кому хотя бы раз довелось побывать под ночным обстрелом, сходились во мнении, что таким образом трагги пытались оказывать на противника психологическое давление – днем ведь они никогда не использовали бэнши.

Трагги били по рву прямой наводкой, так, словно точно знали, где залег третий взвод разведроты землян. Сержант Виран даже не пытался отдавать приказы – в диком грохоте и вое их все равно бы никто не услышал. Теперь каждый сам должен был думать о спасении. Хотя о каком спасении могла идти речь – выжить в мясорубке, в которую за считанные секунды превратился ирригационный ров, казавшийся прежде надежным укрытием, было невозможно.

Колдун упал на грудь рядом с рядовым Оглином и, ткнувшись лицом в жидкую грязь, уже в который раз подумал о том, что трудно придумать что-либо более глупое, чем ирригационный ров на Марсе. Человеческая психика порою выкидывает удивительные фокусы. Вот и сейчас, лежа на дне ирригационного рва, Колдун слышал не звуки рвущихся снарядов, а то, как шипят в воде кусочки раскаленного докрасна металла, как шлепаются рядом в жидкую грязь осколки, один из которых в конце концов должен был убить его.

Пара осколков щелкнули по бронекирасе на спине Колдуна – недостаточно крупные, чтобы пробить металлокерамический щит – почти эфемерную перегородку, отделяющую слабое человеческое тело от смерти, со свистом рассекающей воздух. И еще он слышал крики... Или ему только казалось, что он слышит отчаянные голоса?

– Колдун!.. Где ты, Колдун?..

– Помоги, Колдун!..

– Да сделай же хоть что-нибудь, Колдун!..

Колдуном он стал, оказавшись на Марсе. А прежде его звали Олег Николаевич Неверов. Когда трагги высадили десант на Марс и Межгосударственный совет Земли выступил с заявлением о начале войны с инопланетными захватчиками, он вместе с сотнями таких же молодых

парней, знавших о войне только из книг и видеофильмов, побежал на мобилизационный пункт. Все они тогда, в первые дни конфликта, были уверены, что война продлится всего несколько дней. Ну, самое большее – пару недель. Этого срока, по оценкам доморощенных экспертов, было достаточно для того, чтобы лихо, в стиле старых добрых фантастических фильмов, расправиться с космическими агрессорами и с гордостью победителей вернуться домой, где героев с нетерпением будут ждать млеющие от восторга подруги. Естественно, никому не хотелось упускать такой возможности: война с инопланетянами – это будет почище летнего лагеря в первобытных джунглях на Борнео.

Однако большинство парней, явившихся по зову совести на мобилизационные пункты, получали назначение в части тылового обеспечения, расположенные на Луне и орбитальных станциях. Те, кто попал в подразделения, базирующиеся на Фобосе и Деймосе, считали, что им уже повезло: до района боевых действий было, можно сказать, рукой подать. И только считанные единицы были направлены в действующую армию. Поэтому Олег сначала даже не понял, что произошло, когда в руках у него оказалось приписное свидетельство, в соответствии с которым он поступал в распоряжение командира четвертой разведроты мобильной пехоты, принимающей непосредственное участие в боевых действиях на поверхности Марса. Решающую роль в этом сыграло то, что пару лет назад Олег ради спортивного интереса прошел курс выживания в экстремальных условиях, по окончании которого заработал двадцать пять призовых баллов – для новичка фантастический результат – и получил специальность фельдшера с правом работать в полевых условиях.

Вот так обычно все и происходит в жизни: ты сам даже не думаешь, чем обернется тот или иной твой поступок, а на нитке судьбы уже завязывается узелок, который в нужный момент непременно зацепится за заусенец на ногте старой мойры.

Узнав, что до отправки в действующую армию нужно еще пройти месячный курс общевоинской подготовки, Олег приуныл: война с траггами могла закончиться прежде, чем он успеет принять участие хотя бы в одном сражении. Но вопреки восторженным ожиданиям патриотов и бодрым заверениям Объединенного Генерального штаба Земли война на Марсе приняла затяжной позиционный характер. Так что спустя означенный месяц Неверов с группой счастливых новобранцев высадился на Марсе. И в тот же день всех их раскидали по разным подразделениям: кого в штаб, кого на передовую.

Армейская казарма оказалась новым миром, не похожим ни на что, с чем прежде приходилось сталкиваться Олегу. Здесь царили свои порядки и законы, которые далеко не всегда совпадали с правилами общевоинского устава. Единственный новобранец в роте, Олег чувствовал себя пацаном среди ветеранов, которым уже не раз доводилось побывать под обстрелом. Рядом не было знакомых, которые могли бы подтвердить, что Олег Неверов действительно хороший парень, поэтому самоутверждаться и завоевывать авторитет среди новых товарищей приходилось самому.

Собственно, никто в роте не имел ничего против новичка – на него просто не обращали внимания до тех пор, пока он не был нужен. Во время боевых рейдов или тренировок Олег действовал вместе со всеми, но в казарме он неизменно оказывался один, в стороне от других, окруженный странной, пугающей его пустотой.

Сломать барьер отчуждения помог случай. Еще в школе Олег увлекся искусством фокуса. Не теми новомодными иллюзионными шоу, для постановки которых требуется невероятно сложное и невообразимо дорогое техническое оснащение, а на первый взгляд совершенно элементарными приемами, что, будучи доведенными до виртуозного автоматизма, способны заставить зрителей поверить в то, что артист на самом деле способен творить чудеса. Конечно, свободный полет под куполом театра или прогулка по языкам пламени выглядит куда более эффектно, чем исчезающая между пальцами монетка. Но, глядя на яркий постановочный трюк, искусственный зритель, конечно же, понимает, что здесь не обошлось без долгой подгото-

вительной работы и сотни ассистентов, задействованных в представлении. Он не столько ощущает прикосновение к чему-то чудесному и почти непостижимому, сколько пытается угадать, где именно спрятана сложная система зеркал, которая помогает трюкачу оставаться живым после того, как его распиливают на четыре части. Когда же человек видит, как меж пальцев фокусника исчезает монета, которую он сам же ему вручил, или карта совершенно непостижимым образом меняет масть, он не может понять, каким образом это происходит, потому что маг не пользуется ничем, кроме своих рук с закатанными по локоть рукавами. Как можно понять то, чему невозможно найти объяснение? Человек не желает самому себе признаться в том, что его ловко обманули, а потому предпочитает верить в то, что сверхъестественное порою все же может иметь место в жизни. Подлинное чудо – это обман, который происходит в пяти сантиметрах от кончика носа наблюдателя, в тот неизмеримо короткий отрезок времени, когда он на мгновение смыкает ресницы.

То, что умел Олег, было неплохо только для любителя. Но, к удивлению самого артиста, простейшие трюки с исчезающим карандашом, с фотографией, порванной надвое и вдруг оказавшейся целой, или с бумажным цветком, внезапно сгорающим во вспышке ослепительно яркого пламени – описание их можно найти в любом пособии для начинающих престиждитаторов, – приводившие некогда в восторг его одноклассников, пришлось по вкусу и сослуживцам. Возможно, потому, что в окопах развлечения по большей части все одни и те же. Или, может быть, солдатам хотелось хотя бы ненадолго забыть о том, почему они здесь, и вновь почувствовать себя мальчишками, готовыми разевать от восхищения рты, наблюдая за манипуляциями ловкого фокусника, которого пока еще никому не удавалось поймать с картой, спрятанной в рукаве. Как бы там ни было, продемонстрировав однажды свой талант, Неверов вскоре стал любимцем всей роты. А после того, как Длинный Баррет в шестой раз попытавшись засечь тот момент, когда яйцо, что сжимал в кулаке Олег, оказывалось у него в кармане брюк, и вновь потерпев неудачу, дружески хлопнул фокусника по плечу и сказал:

– Да ты, парень, колдун, – к Неверову навсегда пристало это прозвище.

Радуюсь успеху, Колдун не собирался останавливаться на достигнутом. Отправляя домой видеописьмо, он попросил родителей переслать ему весь магический инвентарь и книги, по которым он когда-то изучал мастерство иллюзиониста, аккуратно упакованные в коробку, они вот уже несколько лет пылились на полке в чулане. В ожидании посылки Олег каждую свободную минуту тренировал пальцы, а получив ее, поверг всех в изумление внезапно открывшейся у него способностью читать мысли.

Как-то раз, когда, возвращаясь после ночного рейда с территории, занятой траггами, взвод уже на рассвете угодил на свое же минное поле и рядового Гесса в ключья разнесло противопехотной миной, младший сержант Молилари, замерший с поднятой левой ногой, которую он теперь не решался опустить на землю, посмотрел на стоявшего рядом с ним Колдуна и, оскалившись, точно взалкавший крови вампир, прошипел сквозь зубы:

– Ну что, Колдун, что теперь делать будем? Может быть, прочитаешь какое-нибудь заклинание? Если что и может нас сейчас спасти, так только чудо...

Колдун на мгновение прикусил нижнюю губу, а затем уверенно шагнул вперед.

– Стой! – крикнул вслед ему лейтенант Маневич, командовавший взводом до того, как его место занял сержант Виран.

Но Колдун продолжал идти вперед, словно и не слышал окрик командира.

– За ним! След в след! – быстро приказал остальным лейтенант.

Колдун и сам не мог объяснить, с чего вдруг у него появилась уверенность в том, что он сумеет вывести взвод с минного поля. Как и все остальные, Колдун понимал, что с минуты на минуту трагги накроют их минометным огнем. Но в отличие от Неверова другие не видели той надежды, что всего на мгновение блеснула в глазах Молилари, когда он, как бы в шутку, обратился к Колдуну за помощью.

После этого случая в роте на Колдуна стали посматривать как-то по-особому. Не то чтобы все сразу вдруг уверовали в его чудодейственные способности, но нет-нет да и обратится кто-нибудь к Колдуну с вопросом вроде:

– Эй, Колдун, чем завтра рейд закончится?

А Колдун, усмехнувшись, глянет на багровое небо Марса, придаст лицу выражение глубокомысленной задумчивости, а затем возьмет да подкинет ногтем монету, которая, долетев до верхней точки своей траектории, вдруг растворится в воздухе.

– Все будет нормально, – спокойно ответит Колдун солдату.

А тот облегченно вздохнет и пойдет рассказывать приятелям о том, что Колдун обещал на завтра удачный день. Еще раз бойцы третьего взвода имели возможность убедиться, что в фокусах Колдуна присутствовало нечто большее, чем простая ловкость рук, когда рота ввязалась в бой на территории противника. Штурм позиций траггов, предпринятый по приказу командования, захлебнулся после первых же десяти минут боя. Поспешное отступление землян едва не переросло в паническое бегство. Разведрота удерживала траггов до прибытия вертолетов эвакуационной группы. В том бою осколок снаряда пробил щиток на спине лейтенанта Маневича. Колдун подбежал к упавшему навзничь лейтенанту и принялся снимать с него бронекирасу, чтобы попытаться остановить кровотечение.

– Что с лейтенантом? – спросил оказавшийся рядом сержант Виран.

– Пока не знаю, – ответил Колдун. – Помоги снять кирасу.

Лейтенант был без сознания. Вдвоем Колдун и Виран стянули с него бронекирасу. Майка под кирасой была насквозь пропитана кровью. Алая кровь пульсирующими толчками вытекала из широкой рваной раны на пояснице лейтенанта, и было ее так много, что сомнений быть не могло: у лейтенанта разорвана почка. Колдун выдернул из ранца чистое полотенце, сложил его в несколько раз, прижал к ране на спине лейтенанта и наложил сверху плотную давящую повязку. Это было все, что он мог сделать в условиях, когда вокруг рвались снаряды, а воздух со свистом рассекали пули траггов, которые, казалось, вели обстрел одновременно со всех сторон.

– Ну?.. – посмотрел Виран на Колдуна.

– Принимай командование взводом, сержант, – ответил тот. – Лейтенант, можно сказать, уже покойник. Если в ближайшие пять-десять минут не придут вертолеты эвакуационной команды...

Колдун не закончил начатую фразу. Оба они одновременно услышали слабый, но вполне отчетливый стрекот летящих вертолетов.

– Колдун... – Лейтенант пришел в себя и смотрел на солдата широко раскрытыми, полными боли и какой-то совершенно непередаваемой предсмертной печали глазами. – Что со мной, Колдун?..

– Все будет в порядке, лейтенант, – попытался успокоить его Колдун. – Вертолеты эвакуационной команды уже на подлете...

– Эвакуационная команда? – Лейтенант посмотрел на Колдуна, а затем на Вирана так, словно подозревал их в том, что они замыслили убить его. – Мы разве не победили?

– Нет. – Сержант устало качнул головой, но все же нашел в себе силы ободряюще улыбнуться смертельно раненному командиру: – У нас еще будет шанс свести с траггами счеты, лейтенант.

– К черту! – Лейтенант рывком поднялся на ноги, схватил валявшийся на земле автомат и передернул затвор. – Никто не уйдет отсюда, пока мы не уьем последнего трагга!..

В майке, мокрой от крови, с автоматом наперевес, матерясь на чем свет стоит, лейтенант Маневич побежал по направлению к окопам, в которых засели трагги. Колдун и Виран догнали лейтенанта и вдвоем с трудом повалили раненого на землю. Лейтенант еще пытался сопротивляться, но к тому времени, когда вертолеты эвакуационной команды опустились на землю и в

них начали загружать раненых, Маневич затих и только едва слышно бормотал что-то сквозь бред.

Уже после возвращения в расположение части, приняв душ и переодевшись, сержант Виран рассказывал своим приятелям, что никогда прежде не видел, чтобы человек с проникающим ранением брюшной полости, потерявший больше половины всей крови, мог подняться на ноги, да еще и драться с таким ожесточением, что двое здоровых мужиков с трудом с ним справились.

– И все это произошло после того, как Колдун наложил на него свою руку, – добавлял он, многозначительно подняв указательный палец. И после небольшой паузы: – Я не берусь утверждать, что Колдун действительно способен творить чудеса. Но, скажу вам честно, парни, нам здорово повезло, что он оказался в нашем взводе. Рота в этом бою только убитыми потеряла треть личного состава. А у нас во взводе – лейтенант Маневич, да еще двоих слегка зацепило.

Слушая сержанта Вирана, остальные согласно кивали. Да и не один Виран видел, как вскочил на ноги и снова ринулся в бой командир, умерший в вертолете эвакуационной команды, не долетев до госпиталя.

Колдун стал талисманом третьего взвода, гарантирующим удачу в бою. Со временем во взводе установилась традиция – перед выходом на задание Колдун клал нагрудный щиток своей бронекирасы на табурет, и каждый солдат взвода, включая нового командира, проходя мимо, непременно касался его кончиками пальцев левой руки. Исполняя этот ритуал, никто, скорее всего, не верил всерьез в то, что прикосновение к холодной, помятой металлокерамике бронекирасы Колдуна может спасти ему жизнь. Но в бою каждый солдат готов свято уверовать в любую чертовщину, если только она была на его стороне.

Что было истинной причиной тому – присутствие Колдуна или просто удача, но только взводу под командованием сержанта Вирана постоянно везло. Везло самым фантастическим образом. До тех пор, пока они не забралась в этот чертов ирригационный ров.

Задача, поставленная перед взводом, казалась невероятно простой. Всего-то и нужно было, что под прикрытием ночи добраться до ирригационного рва, проходящего метрах в трехстах от оборонительного рубежа землян. Затем, спустившись в ров, солдаты должны были максимально близко подобраться к позициям траггов, установить пусковые кассеты с сигнальными ракетами, служившими ориентиром для наведения орудий во время артобстрела, и так же тихо и незаметно вернуться назад. Никому не было известно, кто отрыл этот ров и откуда бралась вода, заполнявшая его слоем в пять-шесть сантиметров. Но сам по себе факт существования ирригационного рва на Марсе, где вода была слишком дорога для того, чтобы просто так сливать ее в водоотвод, казался настолько противоречащим элементарному здравому смыслу, что в душе у Колдуна зародилось неосознанное беспокойство, а может быть, и предчувствие чего-то недоброго, едва он ступил в жидкую грязь на дне рва.

Сержант Виран только усмехнулся, когда Колдун поделился с ним своими опасениями.

– Брось, Колдун, все будет нормально. Дело-то плевое – быстренько сбегает туда-обратно и через пару часов будем в казарме чай с лимоном пить.

Все шло гладко до тех пор, пока со стороны окопов траггов не взлетела зеленая ракета и по тому месту, где находился взвод, не начала бить прямой наводкой вражеская артиллерия. Что это было – трагическая случайность, фатальное невезение или же траггам каким-то образом стало известно о приближении противника, – теперь уже не имело значения. В одно мгновение ирригационный ров превратился в преддверие ада. Сине-зеленые трассы завывающих на сотни голосов бэншей исполосовали ночное небо, превратив его в дикую сюрреалистическую картину. Казалось, не осталось ни пяди земли, на которую не упал бы осколок снаряда, а воздух был пропитан смертью, точно губка влагой. Растерянность и замешательство первой минуты прошли, и Колдун, чуть приподнявшись на локтях, глянул по сторонам. Он успел увидеть только шлем рядового Оглина, наполненный какой-то странной серо-бурым массой, когда

его снова вдавил в грязь налетевший на него Молилари. Рывком перевернув Колдуна на спину, Молилари, брызжа слюной, заорал ему в лицо:

– Дьявол, Колдун!.. Мы же все здесь сдохнем!..

Взгляд у Молилари был совершенно безумный. Трудно было даже предположить, что он может сделать в следующую секунду – то ли схватит автомат и начнет палить во все, что попало, то ли сядет на корточки, прижмется спиной к стенке рва и, обхватив голову руками, тупо завоет.

– Нужно уходить! – крикнул Колдун и попытался вырваться из рук Молилари.

Но тот снова швырнул Колдуна в грязь и уселся на него верхом.

– Сделай что-нибудь, Колдун!.. Я прошу тебя!.. Я хочу выбраться отсюда!.. Помоги же мне остаться живым, гад паршивый!..

– Нужно уходить! – крикнул в ответ Колдун. – Где Виран?

– Убит!.. Все убиты!..

– Прекрати орать! Нужно собрать тех, кто остался, и уходить!

Неожиданно Молилари схватил автомат и ткнул ствол Колдуну в шею.

– Не думай, что сможешь уйти один, – прошипел он сквозь зубы. – Или ты вытащишь меня отсюда, или я пристрелю тебя!.. Будь ты проклят, Колдун. – Лицо Молилари исказила жалобная гримаса, как будто он собирался заплакать. – Дьявол, ты же можешь это сделать!..

– Ты свихнулся, Молилари, – негромко произнес Колдун. – Что я могу?..

Тело Молилари судорожно дернулось и упало на Колдуна.

– Молилари!..

Упершись в плечо солдата, Колдун скинул его с себя и поднялся на четвереньки. Молилари лежал на спине, раскинув руки в стороны. Лицо его было перемазано то ли грязью, то ли кровью, а глаза слепо смотрели вверх, на мелькание удивительного калейдоскопа, в который превратили ночное небо бэнши траггов.

Наклонившись к лицу Молилари, Колдун уловил едва различимое дыхание.

– Виран! – крикнул он, встав на колени. – Сержант Виран!

Никто ему не ответил. Ни единый голос. Вокруг рвались снаряды, и люди, залегшие на дне ирригационного рва, могли просто не слышать крик Колдуна. Но Колдун об этом даже не подумал. Он почувствовал, как на него накатывает волна дикого, животного ужаса. В единый миг у него перехватило дыхание – так, будто его бросили в прорубь с ледяной водой. Он один находился под обстрелом траггов, и все летевшие снаряды были нацелены только в него. Один в целом мире, во всей Вселенной, которая тоже погибнет, если его жизнь оборвется. В этот момент Колдун понял, как можно сойти с ума от страха. Неконтролируемый первобытный ужас наполнял каждую клеточку его тела и рвался наружу. Упав на четвереньки, Колдун запрокинул голову к жидкому, растекающемуся, словно бурый кисель, небу и заорал во весь голос.

Когда крик оборвался, Колдун начал действовать. Не думая ни о чем, он делал то, что подсказывал инстинкт. Накинув на шею ремень автомата, он подполз к Молилари и взвалил его на спину. Поясным ремнем связав кисти рук Молилари у себя под шеей, Колдун пополз по дну ирригационного рва в ту сторону, откуда пришел взвод.

Он полз, пока не выбрался из-под обстрела. Но и после этого он продолжал упорно двигаться вперед. Наверное, он уже не понимал, что ему удалось спастись. Понятие жизни в его отупевшем и не воспринимающем никаких внешних раздражителей сознании оказалось накрепко связано с представлением о движении, о том, что нужно во что бы то ни стало передвигать ноги и руки в жидкой грязи, заполняющей дно неизвестно кем и чего ради открытого ирригационного рва. Он полз до тех пор, пока силы не оставили его. Рухнув в грязь, Колдун провалился в беспамятство, которое только и спасло его психику от окончательного распада.

Колдун пришел в себя спустя двое суток на больничной койке. Его нашли солдаты, посланные на поиски пропавшего взвода сержанта Вирана. То, что из всего взвода в живых

остался один Колдун, не получивший к тому же ни единой царапины, породило новую волну разговоров о его фантастическом везении. О чем никто не стал рассказывать Колдуну, так это о том, что тело рядового Молилари, которого Колдун тащил на спине, послужило ему живым щитом. Когда их нашли, привязанных друг к другу поясным ремнем, весь спинной щиток бронекирасы Молилари был иссечен осколками. Если бы Колдун попытался выбраться из-под обстрела один, оставив Молилари там, где его ранило, все эти осколки достались бы ему.

Спустя неделю Колдун выписался из госпиталя. Командование представило Колдуна к награждению орденом «За мужество в бою» и предоставило ему двухнедельный отпуск. Орден Колдун убрал на самое дно своего походного ранца, и никто никогда не видел, чтобы он когда-нибудь доставал его. Он даже не пробил дырочку под орден на своем парадном кителе. А от отпуска Колдун отказался – изъявил желание сразу вернуться в строй. Единственное, о чем он попросил, чтобы его перевели в другую часть.

Для всех так и осталось загадкой, куда исчезли его реквизит фокусника и книги об искусстве иллюзии, – когда Колдун прибыл на новое место службы, в мотострелковую часть, базирующуюся в зоне Большой Марсианской пустыни, ничего этого у него при себе не было. И никогда больше Колдун не развлекал сослуживцев фокусами. Даже свой любимый трюк с окурком сигареты, исчезающим в кулаке, Колдун больше никогда не проделывал, – теперь, докурив сигарету до самого фильтра, он бросал окурочек на землю и старательно вдавливал его носком ботинка в сухой марсианский песок. Колдун надеялся, что на новом месте он снова сможет стать Олегом Неверовым, от которого никто не станет ждать чуда.

Но на войне вести порой разносятся быстрее, чем тот, о ком в них идет речь, перемещается с места на место. Начальник штаба, которому Олег вручил документы о переводе, с интересом посмотрел на бойца, после чего вроде как в шутку заметил:

– Ну, вот и Колдун прибыл.

К тому времени все в части были уже осведомлены о том, что к ним переводится сам Колдун. Теперь он навсегда стал Колдуном – иначе его не называл даже командир батальона. И то, что из последнего рейда, кроме него, ни один не вернулся живым, ни для кого уже не имело значения. Как-то раз, собираясь в рейд, Колдун заметил, что солдат, проходивший мимо табурета, на котором он разложил свое снаряжение, как бы случайно коснулся кончиками пальцев нагрудного щитка его бронекирасы. Колдун стал наблюдать внимательнее и увидел, как то же самое проделали остальные бойцы, с которыми ему предстояло идти на задание. Тогда Колдун сел на пол и, прижав ладони к лицу, заплакал. Потому что он точно знал, что никого из них не сможет спасти.

Рассвет потерянных душ

Мое имя Николай Михалкин. Возраст – двадцать пять лет. Звание – рядовой. Я знаю, что мой рассказ записывается на диктофон, и не возражаю против этого. На войне я год и три месяца. Я из тех, кого здесь, на Марсе, называют «вторым выводком».

Когда Межгосударственный совет Земли сделал заявление о том, что трагги высадились на Марсе, и призвал дать решительный отпор космическим агрессорам, мне только исполнилось двадцать два. И хотя у меня не было никакой военной специальности, я заодно с другими молодыми оболтусами, мечтавшими оказаться среди тех, кто как следует наподдаст траггам под зад коленом, рванул на мобилизационный пункт.

Можете представить, каково было мое разочарование, когда меня на полгода отправили в подготовительный лагерь. Мне казалось, я не успею получить свою долю славы как участник Первой Марсианской Войны, которая как пить дать закончится, пока я буду изучать военно-строевой устав, основы тактики боя и устройство многоцелевой винтовки пехотинца «ВП-45». Однако, когда по прошествии шести месяцев взамен красных лычек курсанта я получил темно-зеленые пластиковые погоны рядового мобильной пехоты, война с траггами не закончилась, а лишь перешла в затяжную стадию позиционных боев. Земляне и трагги регулярно обменивались ударами, то занимая, то вновь сдавая противнику не представлявшие стратегического интереса позиции, но как те, так и другие старались избегать решительных действий. Линия фронта была похожа на закрепленную с двух концов веревку, небрежно брошенную на карту Марса, – смещаясь то в одну сторону, то в другую, она меняла форму, но не длину. По прибытии на Марс я был определен в четвертую роту батальона мобильной пехоты номер 905-В, где и проходил службу в дальнейшем. Во взводе я оказался единственным необстрелянным новичком. Остальным уже не однажды приходилось участвовать в боях с траггами. Многие ребята давно отработали свой контракт, но почему-то, вместо того чтобы вернуться на Землю, остались на Марсе. На вопрос, почему они так поступили, никто во взводе не смог ответить мне ничего вразумительного. Когда я спросил об этом капрала Монтекку, сидевшего в окопах с первого дня войны, он в ответ состроил совершенно невообразимую гримасу и, с тоской посмотрев на меня, сказал:

– Если прослужишь с мое, тогда и сам поймешь. А если нет...

Не закончив фразу, Монтекка махнул рукой и перевел разговор на другую тему. Для того чтобы освоиться во взводе и изучить нюансы, о которых нет ни слова в общевойсковом уставе, но которые должен знать каждый, кто хочет выжить в бою, мне не потребовалось много времени. К моменту первой боевой операции я чувствовал себя так же уверенно, как и остальные. Это была уже третья попытка взять под контроль левый берег Красного Песчаного моря, на котором окопались трагги. Как и две предыдущие, закончилась она неудачей. Наша рота потеряла в том бою трех человек убитыми и тринадцать ранеными. Было бы больше, не дай ротный приказ отступить, не дожидаясь, когда к такому же решению придут штабные генералы, наблюдавшие за боем через спутниковую систему слежения...

Но вы ведь не это хотите от меня услышать. Вас интересует последний бой нашей роты за высоту 3-Х-3. Бой, после которого четвертой роты батальона мобильной пехоты номер 905-В не стало...

Впрочем, не стало ее еще до начала боя, хотя никто не хочет в это верить. Ладно, давайте обо всем по порядку. Я расскажу то, что знаю. То, что видел своими глазами. А уж вам потом решать, верить мне или нет. Я, конечно, понимаю... А, ладно. Высота 3-Х-3, превращенная траггами в мощный, хорошо защищенный оборонительный рубеж, находилась в пяти километрах от наших позиций. При том, что это была единственная доминирующая высота на сотню километров вокруг, позиция у траггов была великолепная. Имея превосходный обзор, они

могли бы обстреливать наши окопы самонаводящимися снарядами из ручных ракетных установок. После четырех-пяти часов такого обстрела личному составу роты пришлось бы либо отступить, либо героически погибнуть на позициях. Находясь в низине, мы не имели возможности контратаковать позиции траггов. Любая брошенная в бой группа была бы уничтожена еще на подходах к высоте.

Система защиты от спутникового слежения у траггов не хуже нашей, поэтому, не имея представления о расположении позиций противника на высоте, мы смогли бы ответить им только огнем вслепую. Но, как ни странно, засевшие на высоте 3-Х-3 трагги не проявляли никаких агрессивных намерений. А у нас и подавно не было желания их цеплять, поскольку мы прекрасно понимали, чем это для нас закончится. Само собой, подобное мирное сосуществование в зоне боевых действий долго продолжаться не могло. К исходу третьего месяца с того дня, как наша рота заняла позиции на подходе к высоте 3-Х-3, Генеральный штаб решил, что пора покончить с господствующим положением траггов на данном участке фронта. Двадцать четвертого февраля по земному календарю мы получили приказ занять высоту. Конечно же, командование спустило нам план предстоящей операции, который, как всегда, был гениально прост. В три часа двенадцать минут по местному времени, сразу после захода Фобоса, мы должны были покинуть окопы и под прикрытием темноты незаметно подобраться к занятой траггами высоте. Особую прелесть предстоящей операции придавало то, что в соответствии с планом Генштаба мы должны были застать траггов врасплох и штурмом овладеть вершиной занятого противником холма. А из этого следовало, что нам предстояло атаковать хорошо укрепленные оборонительные рубежи противника без предварительной артподготовки. Вяжавшись же в бой, мы могли рассчитывать на поддержку артиллерии, только вызвав огонь на себя. Вряд ли в роте нашелся хотя бы один человек, который отнесся пусть не с восторгом, так хотя бы с одобрением к идее атаковать высоту ночью. Но, как известно, приказы в армии отдаются не с тем, чтобы их обсуждали. Поэтому, нравилось нам это или нет, мы начали готовиться к предстоящей операции. Командир назначил проведение операции на ночь с двадцать восьмого февраля на первое марта. Почему он принял такое решение, не знаю. Быть может, он лучше всех нас понимал, что ничем хорошим этот ночной штурм высоты закончиться не может, а потому хотел дать нам пару лишних дней для того...

Ну, чтобы сделать то, что каждый считал нужным. Странная атмосфера воцарилась в эти дни в нашем подразделении. Явственно ощущалось все возрастающее напряжение, которое временами, казалось, начинало звенеть, как туго натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть. Но при этом присутствовала и какая-то необычайная умиротворенность. Мелкие стычки и выяснения отношений неизбежны в любом коллективе, в особенности если люди на протяжении месяцев живут бок о бок друг с другом. Так вот у нас в роте за последние дни подобные явления сошли на нет. Все стали удивительно приветливы и, я бы даже сказал, предупредительны по отношению друг к другу. Не знаю, быть может, все мы в душе уже чувствовали, что истекают последние часы, отведенные нам для жизни. Но, как бы там ни было, вслух об этом никто даже не заикнулся. В ночь на первое марта мы сидели в окопах, облаченные в теплоизоляционные маскхалаты, которые должны были обмануть инфравизоры траггов. Как сейчас помню, слева от меня, прижавшись спиной к стенке окопа, сидел на корточках рядовой Стерцов, справа примостился капрал Монтекка. В небо то и дело взлетали разноцветные сигнальные ракеты, и отблески их плясали на складках отливающих серебром маскировочных халатов. Я тогда еще подумал, что эти огоньки наведут на нас траггов не хуже инфравизоров. Но вслух я этого не сказал, прекрасно понимая, что не один я такой умный. Докурив сигарету, Монтекка бросил окурок на землю, раздавил его каблуком и скосил хитрый взгляд на нас со Стерцовым.

– Знаете, парни, что лично мне больше всего не нравится в нашем обмундировании? – спросил он, постучав согнутыми пальцами по бронекирасе, надетой под маскхалат.

Стерцов поправил пластиковое забрало на шлеме и мрачно мыкнул:

– Ну?

– То, что под бронекирасу невозможно просунуть руку, чтобы грудь почесать! – радостно сообщил Монтекка и расхохотался над своей плоской шуткой.

Мне было совсем не смешно, но, дабы не обидеть Монтекку, я криво усмехнулся. В клипсе, закрепленной на мочке левого уха, прозвучала команда ротного:

– Приготовились!

Я посмотрел на часы. Было ровно десять минут четвертого. Приподнявшись, я выглянул из окопа. Фобос уже закатился за горизонт, но прежде, чем отдать команду покинуть окоп, ротный все же дожидался назначенного времени.

– Ну, парни, – Монтекка приложил обе руки к краям забрала своего шлема и очень аккуратно опустил его на лицо, – что передать богу, если я увижу его первым? – Это была дежурная шутка, которую Монтекка всякий раз выдавал перед боем.

Четыре часа одиннадцать минут. Я провел рукой по затвору винтовки и погладил указательным пальцем спусковой крючок. Затем поправил на груди ремень закрепленной на спине ручной ракетной установки. Четыре часа двенадцать минут.

– Вперед, – тихо и удивительно спокойно прозвучал в клипсе голос ротного.

– Вперед, – одними губами повторил следом за ним Стерцов.

– Вперед, так вперед, – усмехнулся Монтекка. – Хотя лично я...

Не закончив, по обыкновению, фразу, он первым полез из окопа. Пока мы короткими перебежками добирались до подножия высоты, я думал только об отсветах сигнальных ракет на наших маскировочных халатах. Быть может, командованию было известно о траггах больше, чем нам, простым рядовым этой бессмысленной войны, но меня не оставляла мысль о том, что трагги могут обнаружить наше передвижение, используя вместо инфракрасного сканирования обычный визуальный контроль за местностью. Высота 3-Х-3 представляла собой высокий холм из марсианского песчаника с пологим склоном. Попытки взять высоту предпринимались и прежде, до того, как нашу роту перевели на новые позиции, – склон был изрыт глубокими воронками, оставленными реактивными снарядами ближнего радиуса действия. Когда прозвучал приказ остановиться, я скатился в одну из таких воронок. Рядом со мной съехал вниз сержант Диманский. А следом за ним, прямо мне на голову свалился все тот же Монтекка.

– Извини, Ник, – улыбнулся Монтекка, хлопнув меня по плечу. – В темноте чуть было не принял тебя за трагга.

Это была еще одна из дурацких шуточек капрала Монтекки. На внутренней поверхности лицевого щитка у каждого из нас имелся небольшой экранчик встроенного инфравизора. С его помощью трагга можно было четко отличить от землянина, потому что на его скафандре имелось пять точек, неизменно фиксируемых инфравизором. Впрочем, известно нам это было только по учебным видеофильмам, в которых трагги воспроизведены с помощью компьютерной графики. Что собой представляет трагг в реальности, не знает никто...

То есть я хотел сказать, что лично я не встречал человека, который видел трагга, живого или мертвого, на расстоянии ближе пяти-шести километров от себя.

– Оружие к бою! – прозвучал приказ ротного.

– Ну, трагги, держитесь! – Монтекка театральным движением передернул затвор винтовки. – Монтекка идет!

Я снял винтовку с предохранителя и ослабил зажим на ремне ракетной установки, чтобы в любой момент можно было легко сбросить ее со спины. Последнего инструктажа перед боем не было. О чем было говорить, если никто не знал, что ожидает нас на вершине холма? Задача, стоявшая перед нами, и без того была яснее ясного: уничтожить противника, занять его позицию и удерживать ее до подхода подкрепления. Короткая команда:

– Вперед! – и мы полезли вверх по склону. Молча. Стиснув зубы. Держа пальцы на спусковых крючках винтовок и готовые стрелять, как только в поле зрения появится враг...

Дальнейшее я помню не очень ясно. Отдельные события мешаются, наплывают друг на друга... Как я ни стараюсь, мне не удастся точно восстановить, в какой последовательности они происходили. Сейчас, когда я все это вспоминаю, мне почему-то кажется, что траггам заранее было известно о нашем приближении. Но они ждали до последнего... Нет, не для того, чтобы подпустить нас ближе и расстрелять в упор, – они давали нам возможность одуматься и уйти. Почему я так думаю?.. Не знаю...

Вернее, не могу этого объяснить. Чтобы понять, откуда берутся подобные мысли, нужно самому испытать то странное ощущение, которое возникает где-то в районе солнечного сплетения в тот момент, когда ты сидишь на дне глубокой воронки из плотного марсианского песчаника, а темнота, окружающая тебя со всех сторон, настолько плотная, что, кажется, ты один в целом мире. И в то же время ты отчетливо понимаешь, что всего лишь один неуловимо короткий миг отделяет тебя от шквала огня, когда каждая пуля, каждый снаряд, выпущенный врагом, будет нацелен именно в тебя. Чему у меня точно нет объяснения, так это тому тупому упорству, с которым мы лезли на занятую траггами высоту, надеясь непонятно на что – каждому в роте с самого начала было ясно, что штурмом высоту не взять. Мы добрались, наверное, до середины склона, когда небо вспыхнуло ослепительными огнями запущенных траггами осветительных ракет. На ровном, пологом склоне холма мы были как на ладони. Трагги били по нам почти в упор, загоня в воронки от взрывов, где потом добивали прицельными ударами самонаводящихся мини-ракет. Казалось, врата ада разверзлись пред нами. Я видел, как очередь из крупнокалиберного пулемета разорвала серебристую ткань маскхалата на груди Монтекки и разворотила его бронекирасу. Монтекка согнулся пополам, уперся стволом винтовки в песок и нажал на спусковой крючок. Отдачей его отбросило назад. Он упал на спину и так и остался лежать. Сержанту Диманскому самонаводящийся снаряд угодил в правое плечо, оторвав руку вместе с зажатой в ней винтовкой. Диманский лежал на песке и что-то бессвязно орал, истекая кровью. В тот момент я был счастлив, что дымчатое затемнение лицевого щитка на шлеме не позволяло мне увидеть его лицо.

– Отходить!.. Немедленно всем отходить назад!.. – надрывно орал в самое ухо голос ротного.

Но какое там! Трагги отрезали нам путь к отступлению стеной минометного огня. Я стоял на месте, держа винтовку в отведенной в сторону руке. Продолжать двигаться вперед было так же бессмысленно, как и отступать. И впереди, и сзади была смерть. Я находился в самом центре огненного водоворота, в котором умирали мои товарищи. Я стоял и ждал, когда же настанет мой черед. Мною овладело состояние, похожее на ступор. Не знаю, чем это объяснить, но ни одна пуля даже не оцарапала мою бронекирасу.

– Отход!.. – Голос ротного в наушнике оборвался. Вместо него я услышал странный булькающий звук, возникающий, когда через узкое отверстие продавливают очень густую жидкость. Я глянул по сторонам и не увидел ни одного живого человека. Только трупы в серебристых маскхалатах, блестящих и переливающихся всеми оттенками горящих в небе цветов, разбросанные повсюду, точно сломанные ветки деревьев после ураганного ветра. И еще я увидел выступающий из песка скальный обломок, неведь откуда взявшийся здесь. Это было единственное укрытие, и, мгновенно придя в себя, я кинулся к нему. Это было похоже на чудо, но у самого основания камня имелась небольшая, полусасыпанная песком ниша – только-только одному втиснуться. Расстегнув ремень на груди, я скинул со спины уже никому не нужную ракетную установку, бросил винтовку и, упав на колени, принялся обеими руками выгребать из каменной ниши песок. Как только освободилось пространство, достаточное для того, чтобы в него мог влезть человек, я лег на песок и боком протиснулся в нишу. Я знал: командованию известно, что я еще жив, – имплантированный биодатчик на левом плече продолжал посылать сигналы на контрольное табло командного пункта. Но глупо было думать, что ради спасения одного человека в бой бросят еще одну роту. Я надеялся лишь на то, что обстрел вскоре пре-

кратится, я просижу в укрытии день, а когда вновь наступит ночь, ползком доберусь до своих окопов. Я лежал на спине, видя перед собой только трещины в камне, и старался не думать об усеянном трупами склоне холма. Поймите меня правильно – я не испытываю суеверного страха перед мертвецами. Но те, что лежали сейчас на сухом красноватом марсианском песке, впитывающем кровь, точно губка, были не просто мертвыми телами, а моими товарищами, которые всего несколько минут назад были живы...

Стрельба и разрывы снарядов не умолкали ни на секунду. Казалось, трагги поставили перед собой цель не оставить на склоне холма ни одного сантиметра, не наспигованного сталью и свинцом. Если бы дело происходило на Земле, я бы сказал, что трагги решили уничтожить все живое в окрестностях занятой ими высоты. Но на Марсе нет ничего живого, кроме двух вражеских армий, методично уничтожающих друг друга. Не знаю, как долго это продолжалось. Я не смотрел на часы, предоставив времени возможность течь независимо от моего восприятия действительности. Рассвет еще не наступил – это я могу сказать с уверенностью. Склоны холма освещали только ракеты, запущенные траггами. Но их было так много, что на несколько километров вокруг было светло как днем. Только свет этот был мертвенно-бледным. Все, что попадало под него, словно теряло объем, превращаясь в плоскую фигурку, вырезанную из картона, позади которой стелилась длинная, черная как смоль тень. Я не сразу обратил внимание на то, что отсвет горевших в небе искусственных огней приобрел зеленоватый оттенок, который со временем становился все более плотным и насыщенным.

Выглянув из своего убежища, я посмотрел на небо, рассчитывая увидеть запущенный траггами поисковый зонд. Но увидел я марсианское сияние. Я знаю, что с точки зрения ученых никакого марсианского сияния в природе не существует. Явлений, подобных тем, что на Земле называют северным сиянием, на Марсе наблюдать нельзя в силу особенностей марсианской атмосферы. А все разговоры о марсианском сиянии врастают корнями в армейский фольклор. До случая на склоне холма, обозначенного на штабных картах как «высота 3-Х-3», я тоже так считал. Но теперь уже никто не сможет убедить меня в том, что истории о марсианском сиянии, которые можно услышать в любой казарме, – это пустые рассказы. Я собственными глазами видел в багровом предрассветном небе всполохи зеленых огней, похожие на широкие, неровные полосы. Пусть ученые ломают головы над природой этого загадочного явления, мне же достаточно просто знать, что марсианское сияние существует. Полосы зеленых огней в небесах сплетались в столь удивительные картины, что я невольно засмотрелся на них. И не сразу заметил человека в серебристом маскировочном халате, медленно поднимающегося вверх по склону всего в десяти-двенадцати метрах от моего убежища. Он шел не спеша, размеренно переставляя ноги. На плече у него лежала штурмовая винтовка, которую он придерживал за автоматическую часть. Вне всяких сомнений, это был кто-то из нашей роты. На какое-то время я растерялся, не зная, что делать. Я был уверен, что, кроме меня, никого не осталось в живых. И вдруг я вижу человека, идущего вперед и не обращающего никакого внимания на пули, рвущие воздух вокруг него. Вне всяких сомнений, он был в состоянии шока или же оказался контужен настолько сильно, что перестал понимать, где находится.

Замешательство мое длилось недолго. Перевернувшись на живот, я ползком выбрался из служившей мне укрытием каменной щели и приготовился подняться на ноги, чтобы догнать бедолагу и повалить его на землю. Но то, что я увидел, заставило меня так и замереть в неудобном положении полуприседа. По склону холма шел не один человек, а не меньше десятка. Все они были одеты в отливающие зелеными огнями серебристые маскхалаты, и все, как один, направлялись в сторону укреплений траггов. И с каждой минутой их становилось все больше. Потому что все новые и новые мертвецы поднимались с земли, вылезали из воронок, куда их сбросило взрывной волной, и, как предписывал приказ, который они не смогли выполнить при жизни, шли на приступ высоты 3-Х-3. Они все были мертвы. Все до единого. Мимо меня про-

шел Диманский с оторванной правой рукой. Винтовку он держал левой и стрелял, не целясь, от пояса.

Я видел Монтекку в развороченной пулеметной очереди бронекирасе. Остановившись в двух шагах от меня, он поднял с земли брошенную мною ракетную установку. Опустившись на одно колено, Монтекка положил пусковой блок на плечо и сделал по позициям траггов два залпа спаренными ракетами. В мою сторону Монтекка даже не посмотрел. Бросив использованную пусковую установку на землю, он вновь закинул винтовку на плечо и продолжил свой марш. Я видел, как самонаводящийся снаряд попал в грудь Степки Тромина и, пробив бронекирасу, взорвался под ней. Вывернутые наружу рваные края трехслойного бронепластика побелели от жара. А Тромин, отброшенный ударом назад, вновь поднялся на ноги, своим обычным широким движением отряхнул песок с колен и, положив винтовку на сгиб левого плеча, как ни в чем не бывало зашагал вверх по склону. Как-то раз мы с ребятами смеха ради выстрелили пулей со смещенным центром тяжести в уложенный в каску кочан капусты. Всего одна пуля нашинковала кочан лучше любого повара-профессионала. На моих глазах такая же пуля пробила лицевой щиток шлема Марка Эдлера из второго взвода. Мутный пластик щитка, на котором осталось только одно небольшое отверстие с разбегающейся паутиной трещин, сделался темно-коричневым из-за залепившей его изнутри кровавой массы. Можете представить себе, во что превратилась голова Марка? А он даже не остановился – шел вперед, продолжая стрелять короткими, расчетливыми очередями. Так что не говорите мне, что это все только мои бредовые фантазии и на самом деле ребята из моей роты не были мертвы, когда предприняли вторую попытку взять штурмом высоту 3-Х-3. Каждый из них был мертвее всех тех покойников, каких мне только довелось повидать. И все же они продолжали подниматься вверх по склону проклятого холма. Что послужило причиной тому, что мертвые восстали и начали новый бой, я не знаю. Могу только предположить, что виной всему марсианское сияние. Почему? Да потому, что с точки зрения здравого смысла марсианское сияние – это такой же бред, как и живые мертвецы. Но, как бы там ни было, то, что не удалось сделать живым, смогли сделать мертвые – четвертая рота взяла высоту 3-Х-3. И все то время, пока продолжался бой на склоне занятого траггами холма, небо над нами освещали зеленые всполохи марсианского сияния. Должно быть, вскоре и траггам стало ясно, что против них сражается не обычный противник.

Встречный огонь начал слабеть. А к тому времени, когда передовая линия мертвецов достигла вершины холма, стрельба и вовсе прекратилась. Поднявшись на холм вслед за ребятами, я не увидел ни одного трагга – ни живого, ни мертвого. Наверное, они отступили, когда поняли, что удержать высоту не удастся. Добравшись до вершины, мертвецы остановились. Они стояли, как столбы, опустив стволы винтовок к земле, и, запрокинув головы, глядели на изумрудные всполохи марсианского сияния, полыхавшего в багровом предрассветном небе. Рядовой Монтекка, рядом с которым я остановился, стянул с головы каску и, посмотрев на меня, оскалил в улыбке неровные, желтые от курева зубы. Лицо его вполне могло бы сойти за лицо живого, если бы не странно вытаращенные глаза с застывшим, остекленевшим взглядом.

– Мы сделали это, Ник, – чуть хрипловатым, деревянным, абсолютно не своим голосом произнес Монтекка.

Я облизнул языком пересохшие губы, не зная, что ответить. Что я мог сказать солдату, который даже мертвый до конца выполнил свой долг? В тот самый момент, когда мне почти удалось найти нужные слова, из-за горизонта выскользнул первый луч восходящего солнца. Зеленые сполохи на небе стали тускнеть и гаснуть. Мертвые один за другим падали на землю, словно подрубленные деревья. Монтекка упал у моих ног, зарывшись лицом в песок. Я сел там же, где стоял, обхватил колени руками и заплакал. Вот, собственно, и все, что я могу вам рассказать. Об остальном куда лучше расскажут ребята из второй роты, занявшие высоту 3-Х-3 после того, как мы выбили с нее траггов.

Я понимаю, что моя история на первый взгляд, на второй, да и на третий тоже представляется полнейшим бредом. Но запросите данные с контрольного табло командного пункта. Там вам подтвердят, что по показаниям биодатчиков все бойцы четвертой роты, за исключением меня одного, были мертвы спустя десять минут после начала боя. Что же получается? Я один выбил траггов с хорошо укрепленных позиций? А потом собрал всех мертвых ребят и перетащил их на вершину холма? Если вас и эти доводы не убеждают, то поговорите с медиками, проводившими вскрытия тел. У каждого из мертвых бойцов четвертой роты не одно, а несколько ранений, несовместимых с жизнью. Как такое могло случиться? Впрочем, как хотите. Со мной разговаривали уже три комиссии, и ни одну из них мне не удалось убедить в своей правоте. Все дело в том, что вы просто не хотите мне поверить. Бойтесь, что ли. Скорее всего, меня признают тихопомешанным, демобилизуют и со всеми почестями, полагающимися кавалеру ордену Славы, отправят на Землю. Так, наверное, будет даже лучше. Мне опостылела война, которой не видно конца.

Вы все здесь в высоких чинах. Ну так ответьте же мне, из-за чего все это началось? Почему мы не можем договориться с траггами мирным путем? Чего не можем поделить? Марс? Так он же был нам не нужен до тех пор, пока не появились трагги!.. Все, я закончил. Не смотрите на меня так, господин полковник.

Мое преимущество в том, что, как сумасшедший, я могу говорить все, что вздумается. Что вы еще хотите узнать?.. Что я хотел сказать Монтекке? Извините, господин полковник, но этого я не скажу. Живые не должны знать, о чем разговаривают мертвые.

Побочный эффект

К тому времени, когда Николай Ерко оказался на Марсе, в составе 12-й пехотной роты, державшей оборону в районе Сырого провала, энтузиазм первых недель войны давно сошел на нет. Все, от генерала до рядового, понимали, что война с высадившимися на Марсе пришельцами приняла затяжной характер и на скорую победу рассчитывать не приходится. Реки добровольцев, в начале войны несшие свои бурные воды на мобилизационные пункты, измельчали, превратились вначале в тоненькие ручейки, а вскоре и вовсе иссякли. Ну а поскольку армия несла потери не только в технике, но и в живой силе, вместе с выпускниками военных академий, большинство из которых мечтали не столько о боевой славе, сколько об удачной карьере и спокойной службе в каком-нибудь тихом, уютном, пусть даже захолустном уголке на Земле, на Марс начали отправлять «специалистов военных профессий».

Придумавший столь емкое определение представитель Генштаба, вне всяких сомнений, был гением. Причислить к «специалистам военной профессии» можно было любого, все зависело от широты властных полномочий и воображения того, кто принимал решение. А после двух месяцев в подготовительном лагере, расположенном в климатической зоне, максимально соответствующей марсианской пустыне, даже знаток древнероманских языков готов был признать себя годным к несению строевой службы.

В свои двадцать два года Николай Ерко был неплохим специалистом в области адаптационной коррекции компьютерных программ. Поэтому, получив извещение о призыве на воинскую службу, он не стал, подобно другим, бегать по инстанциям, доказывая, что в отношении его допущена ужасная ошибка и что он куда полезнее обществу как программист, нежели как боевая единица. Он был уверен, что на Марсе будет заниматься тем же, чем и на Земле, – подгонять новые программы под конкретные требования пользователей. Ну а то, что на какое-то время его работодателем станет Министерство безопасности и обороны, казалось Ерко не принципиальным. Зато после года, проведенного в штабе Марсианской группировки, он мог без проблем устроиться на работу в лучшую фирму, занимавшуюся разработкой программного обеспечения, – какой администратор рискнет отказать ветерану Первой Марсианской войны?

Пройдя двухмесячную подготовку в Каракумах, Ерко с легким сердцем закинул свой вещмешок в грузовой отсек челнока, доставившего новобранцев на окололунную орбиту. Там молодым бойцам пришлось перебраться в грузовой отсек старенького «Урала», где было не так комфортно, как в челноке, но все равно весело. Семь тяжеловесных и неповоротливых «Уралов» в свое время обеспечивали снабжение немногочисленной марсианской колонии, пришедшей в упадок и запустение задолго до вторжения траггов.

В Марсопорте новобранцев разделили на группы и развели по десантным ботам.

Николай не сразу понял, куда угодил. Даже после того, как бот приземлился и вместо бетонного покрытия летного поля Ерко ступил на крупный, чуть красноватый, сыпучий марсианский песок, он все еще надеялся на лучшее.

Сырой провал по форме напоминал лунный цирк диаметром в три с лишним километра и глубиной более ста пятидесяти метров. Центральную его часть заполняла непроходимая топь зыбучих песков. Позиции противников располагались по разные стороны провала, прикрытые невысокой каменной грядой, тянущейся по окружности кратера. Противостояние продолжалось без малого восемь месяцев. Попытка форсировать зыбучие пески на дне кратера была заранее обречена на провал. Фланговый маневр также не мог принести удачу: чтобы добраться до позиции противника в обход каменной гряды, штурмовому отряду пришлось бы пройти не менее пятисот метров по гладкой как стол равнине. Противники то и дело обменивались артиллерийскими ударами, но дальше этого дело обычно не шло. Если одна из сторон и пред-

принимала какое-то активное действие, то это была не массированная атака, а, скорее, попытка прощупать тот или иной участок обороны противника, который казался уязвимее других.

Спустившись с песчаной возвышенности, новобранцы увидели казармы, собранные на скорую руку из металлопластиковых щитов. В подобных условиях трудно было рассчитывать даже на минимум бытовых удобств. Солдаты спали в гамаках, подвешенных в три ряда в длинном, узком помещении казармы. Днем гамаки убирали, и спальное помещение превращалось в огромную бытовку, где каждый занимался своим делом. Чтобы создать хотя бы иллюзию уединения, солдаты использовали самодельные раздвижные ширмы.

Ситуация вокруг Сырого провала не устраивала никого из вновь прибывших: ни тех, кто всерьез рассчитывал покрыть свои пока еще чистые погоны боевой славой, ни тех, кто надеялся отсидеться в тихом уголке, чтобы потом, вернувшись на Землю, с гордым видом рассказывать о подвигах, о доблести, о славе. Они были не первыми, кто испытал острое разочарование, увидев Сырой провал. Но, как и многие другие до них, новички вскоре привыкли к жизни в постоянном ожидании неизвестно чего, под истеричный вой вражеских снарядов, которые не зря окрестили бэншами.

Уяснив, что корректировщик компьютерных программ в Сыром провале не нужен, Ерко не сказать чтобы очень уж расстроился. Он просто потерял всякий интерес к тому, что происходило вокруг. Николай исправно выполнял свои служебные обязанности, а в свободное время сидел на табурете в углу, вперив взгляд в неровные складки металлопластика на потолке. Прекрасно понимая, что изменить что-либо не в его силах, он просто ждал. Ждал, когда всему этому придет конец. Война превратилась для него в один изматывающе длинный день, наполненный воем бэншей, грохотом близких разрывов снарядов, криками командиров, отдающих приказы, руганью солдат, пытающихся их выполнять, и опустошающей душу тишиной, когда внезапно наступало затишье и начинало казаться, будто весь мир провалился в бездонный ужас безмолвия.

Единственным, что выводило Ерко из себя, был мелкий красноватый песок, лезущий во все щели, забивающийся в каждую складку. Укладываясь спать, он подолгу тряс свой спальный мешок в тщетной надежде избавиться от песка. Николай дергал спальник за углы с такой силой, что, казалось, тонкая теплоизоляционная синтетика вот-вот с треском разорвется посередине. И все равно едва только Ерко ложился в гамак, ему начинало казаться, что мелкий красный песок засыпает его тело. Сначала он пытался смахнуть его с себя. Но песка становилось все больше. Он лип к влажной коже, вызывая нестерпимый зуд, набивался в волосы, лез в нос, в рот, в уши...

Обычно именно в этот момент Ерко вздрагивал и просыпался. Какое-то время он лежал неподвижно, глядя в темноту. Ему казалось, что он все еще ощущает мучительное удущье, не в силах выплюнуть забивший горло песок. Николай проводил влажной ладонью по спальнику, чтобы удостовериться, что на нем нет песка. Только после этого он натягивал край спальника до подбородка и закрывал глаза. Но вместе с обволакивающей сознание дремой возвращался кошмар, в котором Ерко видел себя погребенным под слоем марсианского песка.

В иную ночь таких приступов бывало три, а то и четыре. Наутро Ерко вылезал из гамака совершенно разбитый, с отеками от бессонницы веками.

Он никому не рассказывал о своей проблеме со сном. Даже когда на третьем месяце его службы в роту наведалься полковой психолог, Ерко не стал ни на что жаловаться. Он не верил в то, что врач был в состоянии понять, что с ним происходит, а значит, и помочь ему он не мог.

* * *

«Шах» – так, бог уж знает, по какой причине, солдаты Сырого провала прозвали легкий галлюциноген, который буквально витал в воздухе в окрестностях казармы. Для того чтобы

собрать его, достаточно было под вечер расстелить на земле, где-нибудь поближе к краю провала, махровое полотенце. Через несколько часов на ворсинках оседала мельчайшая пыль, вместе с потоками нагретого за день воздуха поднимавшаяся со дна кратера. Пыль нужно было аккуратно перенести в небольшую емкость, залить водой и как следует потрясти минут десять-пятнадцать. Затем следовал нехитрый химический процесс с использованием общедоступных реактивов, включавший в себя экстракцию с последующим выпариванием. Сухой осадок, оставшийся на дне емкости, собирали на полимерные фильтры для респираторов. Это и был «шах» – в чистом виде.

Начинающий биолог, волею случая, судьбы или кого-то из старших офицеров оказавшийся в свое время в составе 12-й роты, высказал гипотезу, объясняющую удивительные свойства пыли, поднимающейся из кратера. Все дело было в осевших на ней микроспорах серого марсианского лишайника, росшего среди зыбучих песков на дне провала. Споры содержали в себе химическое вещество с трехэтажным названием, которое, воздействуя на лобные доли мозга, вызывало причудливые видения. Теория была любопытная, но заниматься ее доказательством под огнем противника никто не собирался. Солдатам было достаточно того, что «шах» давал возможность быстро и без видимого ущерба для психики расслабиться, забыть о войне, о траггах, о марсианской пустыне и о самом Сыром провале. Действие стандартной дозы «шаха» продолжалось не больше минуты, но человеку казалось, что он несколько часов пробыл в волшебном иллюзорном мире. И, что самое главное, галлюцинации никогда не перерастали в кошмар. Мир видений, в которые погружался человек, принявший «шах», был на удивление безопасен и светел.

В районе Сырого провала «шах» принимал каждый, будь то рядовой, сержант или офицер. Что толку сидеть в четырех стенах, пялясь в экран, по которому в сотый раз крутят старую комедию, способную вызвать усмешку разве что только у клинического идиота, если можно в один миг перенестись в райский сад с цветущими миндальными деревьями, под которыми на восточных коврах восседают пышнотелые гурии?

За пять месяцев службы Николай Ерко так ни разу и не сподобился попробовать «шах». Причиной тому были вовсе не высокие моральные принципы, которым стремился следовать рядовой Ерко, и не приверженность ортодоксальной религии, запрещающей своим adeptам принимать какие бы то ни было психостимуляторы. Причина была проста, но одновременно и труднообъяснима. Марсианский песок внушал Ерко почти физиологическое отвращение. Ему было омерзительно простое прикосновение к коже поднятого внезапным порывом ветра песка, поэтому даже в ясную погоду, выходя в дозор, он непременно надевал пылезащитную маску. «Шах» же в его представлении был неразрывно связан с марсианским песком. Принять его было равносильно тому, что впустить в себя частицу марсианской пустыни, позволить ей овладеть собственным сознанием, растворить человеческую личность, подчинить ее себе, сделать частью бескрайнего песчаного моря, способного поглотить все и вся. От одной только мысли об этом Ерко испытывал мучительный приступ тошноты.

Как случилось, что однажды Ерко все же попробовал «шах»? Трудно сказать. Тем более что к настоящему моменту в живых не осталось никого, кто мог бы об этом рассказать.

Возможно, все произошло именно так, как происходит многое в этом мире, – само собой.

Той ночью на участке, что патрулировал взвод рядового Ерко, трагги предприняли неожиданную попытку прорваться в тыл противника. Завязавшийся бой длился всего двадцать минут и закончился, как обычно, с ничейным результатом.

Потери четвертого взвода составили пятеро раненых. У двоих ранения были настолько серьезными, что их той же ночью десантным ботом переправили в тыл.

В казарму бойцы вернулись в подавленном состоянии.

Можно сколько угодно убеждать себя в том, что потерянная нога или рука – это не проблема. Через месяц-другой хирург пришлет на место культы новенькую конечность, выращен-

ную из твоих же собственных клеток. И сделают это так ловко, что даже шрама не останется. Но на душе от этого почему-то легче не становится. Особенно когда вновь и вновь вспоминаешь лежащего не носилках приятеля, с которым пару часов назад играл в трик-трак и едва не поругался из-за какого-то пустяка, а вместо правой руки у него окровавленные лохмотья. И снова видишь, словно наяву, его бледное, перекошенное страшной гримасой лицо с судорожно дергающимися губами, которые как будто пытаются что-то сказать.

Само собой, в дело пошел «шах».

Ерко занял свое обычное место на табурете в углу. Он и сам не заметил, как в руку ему кто-то сунул обрывок фильтра с «шахом». Автоматическим движением, не думая о том, что он делает, Ерко положил кусочек полимера на язык и плотно прижал его к верхнему небу.

Препарат начал действовать, едва только Ерко сглотнул набежавшую под язык слюну.

Вначале все окружавшие Николая предметы и фигуры людей сделались плоскими, словно вырезанными из картона. Контуров их приобрели необычайную четкость, сделались рельефными, как будто по ним были протянуты плетеные серебристые галуны. Затем предметы начали терять привычные очертания. Прямые линии превращались в волнистые либо изламывались под острым углом в самом неожиданном месте. Вскоре в замысловатом переплетении серебристых линий, спиралей и петель уже невозможно было распознать ни один из предметов. Откуда-то сверху и чуть слева ударил сноп яркого белого света. Но свет был не настоящий – примерно так изображают художники комиксов пучок света, прорвавшийся сквозь тучи, – плоская белая полоса, расширяющаяся книзу. И все же это был свет. Сверкающие серебристые нити, вplывая в него, начинали сиять и переливаться, подобно чешуе рыбы, только что выдернутой из воды. Не в силах отвести взгляд в сторону, Ерко, как зачарованный, наблюдал за причудливой игрой света.

Поначалу он не мог понять, чем именно завораживало его это зрелище, но спустя какое-то время Николаю стало казаться, что в сплетении серебряных линий скрыт некий тайный смысл, который он вот-вот сумеет понять. Но в тот самый миг, когда он вплотную подошел к постижению истины, белый свет распался на спектральные полосы, закрутившиеся, точно радужный смерч. Самым удивительным было то, что при огромной скорости вращения смерча цвета его не сливались и даже не смазывались, а по-прежнему оставались четкими и яркими. Одновременно со всех сторон раздались звуки, похожие на мелодичный перезвон крошечных хрустальных колокольцев. Звуки были на удивление чистые, почти прозрачные, они подолгу плыли в разноцветном пространстве, сталкиваясь и накладываясь друг на друга, то усиливаясь, то затухая. А радужная гамма расплывающихся в пространстве цветов раскачивалась в такт их колебаниям. В какой-то момент Ерко показалось, что он чувствует, как его тело тоже раскачивается в ритме колебания звуковых волн и вторящему им пульсированию света. Но уже в следующую секунду он понял, что этого не может быть по той простой причине, что у него не было тела. Как ни странно, открытие это вовсе не повергло Ерко в ужас. Напротив, возможность существования вне собственного тела показалась ему довольно увлекательной и даже в чем-то забавной. Он еще не решил, каким образом мог бы использовать эту внезапно открывшуюся удивительную способность, когда радужный смерч начал стремительно смещаться в направлении центральной точки наполненного цветами и звуками пространства. Достигнув заданного места, он быстрым, неуловимым для взгляда движением изменил плоскость вращения. Перед Ерко разверзлась гигантская разноцветная воронка, засасывающая в себя все, что ее окружало, – радужные пятна, похожие на мазки акварели, звуковые линии, размывающие цвета, серебристые нити, создававшие некогда контуры предметов.

Почувствовав, что его также влечет в направлении центра воронки, Ерко даже в этот миг не испытал страха. Все происходящее казалось не более чем забавным приключением, которое непременно удачно закончится. Воронка вращалась все быстрее. Звуки хрустальных колокольцев заполняли собой все свободное пространство. Ерко почувствовал легкое головокружение,

как после бокала доброго вина, которое было скорее приятным, нежели раздражающим. Он не понимал, что с ним происходит, куда влечет его разноцветный водоворот, – ему это было абсолютно безразлично. Пусть мельница цветов и звуков перемелет то, что от него осталось. Он готов был превратиться в рассыпанные по пространству песчинки, в пыль, в прах, в ничто. Ему казалось, в мире нет ничего приятнее состояния полной растворенности в океане звуков и цветов, что сам по себе был целым миром, который только нужно было понять. Понять? Зачем? Разве для того, чтобы получить удовольствие от куска хорошо прожаренного мяса, нужно знать формулы входящих в него химических элементов и суть процессов, что происходили в нем, когда оно шкварчало на огне? Покинуть мир, уйти от всего, что тебя раздражает, – вот в чем истинное счастье. Уснуть и видеть сны. Но только чтобы в этих снах не было красной марсианской пустыни и лезущего во все щели песка...

Песок...

Почувствовав, как скрипит на зубах песок, Ерко вдруг понял, насколько иллюзорны его надежды на вечное блаженство в пространстве им же созданного мира. Небытие мечтаний, помноженное на небытие фантазий. Небытие в квадрате, которое не может привести ни к чему, кроме как к самым потаенным глубинам небытия. А то, что он видел сейчас, было не что иное, как небытие, вывернутое наизнанку, – радужная подложка, удерживающая на себе толстый, плотный слой мрака ночных кошмаров, в которых нет ничего, кроме песка.

Ерко не увидел, а скорее почувствовал, как мир вокруг него начал меняться. Цвета сделались как будто чуть более плотными, а в звуках хрустальных колокольных посылалось едва различимое металлическое звяканье. Ерко не потребовалось много времени для того, чтобы сообразить, что инородным предметом, вносящим диссонанс в гармонию созданного им мира, является не кто иной, как он сам. Легкий, беспечный, радужный мир отторгал его, не желая воспринимать мучившие его страхи и сомнения – для них здесь не было места.

Ерко не стал противиться. Радужная карусель закрутилась еще быстрее, а позвякивание колокольных сделалось радостнее и громче. Вопреки всем законам физики Николая повлекло на периферию водоворота, края которого тянулись вверх, подобно гребню волны. Ерко на удивление легко взлетел вверх по почти отвесному склону, перевалил через край воронки и, даже не подумав за что-нибудь уцепиться, сорвался в пустоту.

На одно мгновение глаза ему обожгла ослепительно-яркая вспышка, в центре которой мелькнуло что-то очень знакомое. Изображение отпечаталось в мозгу, но Ерко не успел понять, что это было, потому что прямо перед ним возникла оскаленная морда омерзительного монстра, покрытая топорщащейся сине-зеленой чешуей, из-под которой сочилась вонючая фиолетовая слизь. Большие навывкате глаза с желтыми склерами и вертикальным разрезом зрачков смотрели холодно и равнодушно. Нижняя челюсть чудовища выпирала вперед, выставляя напоказ торчащие в разные стороны кривые, желтые, конусообразные зубы, промеж которых застряли красноватые волокна мяса, что монстр, должно быть, не так давно жевал.

Чудовище протянуло когтистую трехпалую лапу, положило ее Ерко на плечо и, дохнув в лицо кислым смрадом, отчетливо произнесло:

– Ну, как?

Ерко рванулся в сторону.

Он едва не упал, но его подхватили под руки и снова усадили на табурет.

– Ты чего скачешь? – прищурил узкие глаза Мияги.

Ерко быстро провел ладонью по лицу, стирая остатки морока.

Обведя взглядом стоявших вокруг него солдат, Ерко попытался улыбнуться:

– Все в порядке...

Почувствовав, что ему что-то мешает говорить, он провел ногтем по языку и снял с него тоненькую полимерную пленку фильтра.

Мияги с сомнением покачал головой. Ему не понравилась реакция Ерко на «шах» – не успел положить фильтр на язык, как тут же чуть с табурета не свалился.

Но остальным до этого не было дела. Им не терпелось услышать рассказ Ерко о том, где он побывал. Реакция на «шах» у каждого своя, во многом зависящая от богатства воображения и темперамента, потому и рассказ о видениях, навеянных галлюциногеном, зачастую не менее интересен, чем полет в иллюзорный мир. А особые знатоки «шаха» утверждали, что при желании и некотором навыке можно, приняв дозу, оказаться в том мире, рассказ о котором запал в память.

– Давай, Ерко, рассказывай, – в предвкушении оскалился рядовой Дрожкин.

– Не тяни, – поддакнул кто-то другой.

Ерко сделал жест рукой, давая понять, что ему нужно сосредоточиться.

На самом деле он просто не знал, о чем рассказывать. О разноцветных звуках и звоне хрустальных колокольчиков? Глупо. Об оскаленной морде чудовища, что увидел он, выходя из транса? Не поверят, потому что под «шахом» никто прежде не видел кошмаров. Так о чем же тогда?

Вспышка.

Ерко прикрыл глаза, стараясь припомнить, что он увидел в ослепительном свете, уже почти свалившись за край радужной воронки?

Он поднял руку и указал на ширму, отгораживающую угол казарменного помещения.

– Там сейчас играют в карты, – медленно, как будто все еще сомневаясь, правильно ли он поступает, произнес Ерко.

– Ну и что? – усмехнулся Дрожкин. – Там все время играют.

– Я был там.

Мияги озадаченно сдвинул брови.

– Где? – переспросил Дрожкин.

– За ширмой.

– Во время транса? – спросил Мияги.

Ерко кивнул.

– Ну?.. – Дрожкин сначала посмотрел на Ерко, затем на Мияги, словно решая, чье объяснение будет лучше.

– У сержанта Котто на руках три короля, – быстрой скороговоркой, словно отрезая себе дорогу назад, заговорил Ерко. – Он уверен, что выиграет, но все равно проиграет, потому что...

Ширма с треском отлетела в сторону.

Взглядам всех собравшихся предстал сержант Котто в расстегнутой куртке. Вид у него был мрачнее тучи грозовой, готовой обрушиться на землю не дождь, так град.

– Дьявол, – процедил сквозь зубы Котто.

Обведя взглядом солдат, он протянул узкую ладонь с тонкими, длинными, как у скрипача, пальцами.

– «Шах»!

Сразу несколько человек с разных сторон протянули ему по кусочку фильтра.

Схватив один из них, Котто хотел было уже прилепить его к языку, но Мияги ловко поймал сержанта за запястье.

– Я понимаю, что вы не в настроении, сержант, – по-восточному мягко, дипломатично улыбнулся Мияги. – Поэтому не стану вас долго задерживать. Ответьте только на вопрос: вы проиграли?

– Ну? – Прозвучало это «ну» так, что его вполне можно было принять за утвердительный ответ.

– При этом на руках у вас были три короля?

Брови сержанта удивленно поползли вверх.

– Какого черта?.. – недоумевающе пробормотал он.

– Три короля? – повторил вопрос Мияги, хотя и без того было ясно, что так оно и есть.

– Ну?..

Мияги перевел взгляд на Ерко, сидевшего с потерянным выражением лица.

– Я видел, как вы играли в карты, – упавшим голосом произнес Ерко.

Сержант Котто приподнял подбородок и поскреб ногтями шею.

– Что дальше?

Разговор, в котором он ровным счетом ничего не понимал, не вызывал у сержанта ни малейшего интереса.

– Вы неверно поняли, сержант, – покачал головой Мияги. – Ерко не подглядывал за вами.

Он узнал, какие карты у вас на руках, когда находился под «шахом».

Котто скосил на Мияги недоверчивый взгляд.

– Никогда не слышал, чтобы от «шаха» прорезался дар ясновидения.

– И тем не менее... – Мияги развел руками, давая понять, что не может дать объяснение данному факту.

– Как это у тебя получилось? – спросил Котто у Ерко.

– Сам не знаю, – растерянно пожал плечами Николай. – Я увидел картинку... Как моментальный снимок. Я даже не сразу понял, что именно видел.

Последняя фраза прозвучала как извинение.

– Ты видел мои карты, как будто стоял у меня за спиной?

Стараясь сосредоточиться, Ерко сдавил пальцами переносицу.

– Ты еще сказал, что хотя сержант Котто уверен, что выиграет, он все равно проиграет, – напомнил Мияги.

– Верно... – Ерко на секунду запнулся. – Потому что у капрала Старогина на руках был стрит, начинающийся с трефовой семерки.

Сержант Котто наконец-то с интересом посмотрел на рассказывающего странные вещи рядового.

– Ты видел карты всех игроков?

– Нет, – взмахнул рукой Ерко. – Я не видел карт. Я вдруг... – Николай внезапно умолк, как будто что-то почувствовал или понял что-то, чего пока еще не мог выразить словами. Продолжив, он говорил очень медленно, словно боясь по ошибке произнести неверное слово. – Я видел картину одновременно со всех возможных точек наблюдения. – Ерко дернул головой, словно отгоняя назойливую муху. – Сам не пойму, как это может быть. Но я могу в мельчайших деталях описать любого человека и каждый предмет, что находились в тот момент за ширмой.

– Держи. – Котто протянул Ерко кусочек полимерного фильтра, который все это время держал зажатым между большим и указательным пальцами. – Я пойду туда. – Сержант указал на ширму, которую кто-то уже поставил на место. – И выложу на стол три карты. А ты примешь «шах» и попытаешься их увидеть.

– Нет, – качнул головой Ерко. – Я больше не стану принимать «шах».

– В чем проблема-то? – сбоку подскочил к Николаю Дрожкин. – «Шах» сколько ни глотай, мозги на сторону не съедут! Интересно ведь, как это у тебя получается?

– Интересно, но...

Ерко вспомнил ужасное чудовище, которое встретил, выходя из транса, и ему сделалось не по себе.

– Нет!

– Если у него нестандартная реакция на «шах», то возможны нежелательные побочные эффекты, – не очень уверенно поддержал Николая Мияги.

Но его никто не услышал. Всем было любопытно, сможет ли Ерко угадать три карты, что собирался выложить на стол Котто. Это была просто игра и не более того. К тому же каждый из

присутствующих был уверен, что с человеком, принявшим марсианское зелье, ничего страшного случиться не может. Во всяком случае, прежде таких случаев не наблюдалось.

– Я не стану принимать «шах», – медленно, как будто вдавливая каждое слово в плотный слой застывшего воска, произнес Ерко.

Котто усмехнулся одними губами и отвернулся в сторону. С его губ слетело только одно слово:

– Трепло. – И обращался он вроде как вовсе не к Ерко.

– Да кончай ты, Ерко, – недовольно поморщился Дрожкин. – Чего ломаешься перед своими ребятами? А то мы тебя не знаем.

Ерко вскинул голову и глазами поймал взгляд Дрожкина.

– Ты хочешь сказать, что знаешь меня?

Взгляд Дрожкина тут же скользнул в сторону.

– Старая история с флейтой, – усмехнулся Ерко.

Котто непонимающе посмотрел на Мияги:

– При чем здесь флейта?

Мияги сделал успокаивающий жест рукой, мол, все в порядке.

Ерко поднял руку и с усмешкой посмотрел на зажатый меж пальцев кусочек полимера.

В конце концов, на этот раз чудовище могло и не появиться.

– Раскладывайте карты, сержант.

Сержант Котто скрылся за ширмой и тут же крикнул:

– Готово!

Должно быть, выдернул из рассыпанной колоды три первые попавшиеся карты.

Ерко положил на язык кусочек полимера и, дернув подбородком, сглотнул слюну.

Он вновь оказался в радужном мире, наполненном звоном хрустальных колокольцев. На этот раз ему не потребовалось много времени, чтобы освоиться на месте. Осознанным усилием воли Ерко сначала собрал все краски и звуки в тугую жгут, а затем, едва разноцветный тяж начал расширяться кверху, развернул его в горизонтальной плоскости, превратив в воронку. Бросившись в центр радужного вихря, Ерко позволил водовороту затянуть себя. Но, почувствовав, что краски начинают смазываться, а звуки тянутся, словно при чуть замедленном воспроизведении записи, он нацелился на срез воронки. Его быстро вынесло к краю водоворота, и он легко перемахнул через невысокий приступок. Падая в пустоте, Ерко отметил яркую вспышку, но, как и в первый раз, не успел заметить, что за изображение находилось в ее центре. Николай уже приготовился выйти из транса, но следом за первой вспышкой последовала еще одна.

Ерко не успел удивиться. Как только сознание его отметило вторую вспышку, он увидел перед собой оскаленные морды чудовищ. На этот раз монстров было трое. И это были не существа, похожие на доисторических ящеров, а подлинно inferнальные создания, чьим единственным назначением являлось внушать ужас всему существу.

Ерко полностью отдавал себе отчет в том, что отвратительные существа порождены его собственной фантазией, но от этого адские твари не становились менее ужасными. И в довершение всего, вместо того чтобы исчезнуть, чудовища стали надвигаться на него с трех разных сторон.

Ерко знал, что за спиной у него находится еще одна омерзительная тварь. Бежать было некуда. Но вместо парализующего волю ужаса Николай почувствовал прилив безумной злости. Сознание его взорвалось, подобно огненному шару. Дикая, первобытная ярость, о существовании которой Ерко даже не подозревал, вырвалась наружу, смяв в грязный комок все остальные мысли и чувства.

* * *

Набросившись на рядового Дрожкина, Ерко опрокинул его на спину и вцепился пальцами в горло. От неожиданности и испуга Дрожкин даже не закричал, а протяжно завыл.

Услышав вой Дрожкина, все дружно бросились к нему на выручку. Но в этом уже не было необходимости. Отпустив Дрожкина, Ерко быстро поднялся на ноги и растерянно посмотрел на обступивших его солдат, пытаясь понять, что произошло.

– Ты что! – истошно заорал все еще лежавший на спине Дрожкин. – Сдурел совсем!

Оттолкнув протянутую кем-то руку, он вскочил на ноги, отбежал в сторону и с обиженным видом уселся на табурет.

– Что? – растерянно произнес Ерко.

Ответить ему никто не успел. Из-за ширмы выглянул сержант Котто с картами в руке.

– Ну? – хитро прищурившись, посмотрел он на Ерко.

Пытаясь вспомнить, что было в центре вспышки, мелькнувшей перед глазами после того, как он сорвался с края воронки, Ерко на секунду прикрыл веки.

– Тройка червей, семерка пик и трефовый туз, – сказал он и, посмотрев на Котто, добавил: – Карты лежали на столе рубашками вверх.

Воспоминание о мерзких тварях, поджидавших его у выхода, на время отошло в глубину подсознания.

Сержант кинул на табурет три карты – те самые, что назвал Ерко.

– Как это у тебя получается?

– Не знаю, – пожал плечами солдат.

– Карты действительно лежали рубашками вверх? – спросил у сержанта Мияги.

– Для чистоты эксперимента, – ответил Котто. – Я и сам не знал, какие карты выкладываю на стол.

– Там было что-то еще. – Ерко приложил пальцы ко лбу и прикрыл глаза.

– Где? – удивленно посмотрел на него сержант.

– Там... – рассеянно ответил Ерко. – Во время транса... Был второй стоп-кадр...

Котто хотел было что-то спросить, но Мияги жестом заставил его умолкнуть. И сержант подчинился.

Ерко, казалось, не замечал ничего, что происходило вокруг. Лицо его было прикрыто ладонью, на шее нервно подрагивала жилка. Он пытался отыскать в своем подсознании стоп-кадр, запечатлевшийся во второй вспышке, сопровождавшей его падение в пустоту. И, когда ему это удалось, плечи Ерко расслабленно обвисли, рука, закрывавшая лицо, упала на колено, а на губах появилась едва заметная усталая улыбка.

– Я видел командира части, – сказал он. – Он сейчас в штабном блоке, в своей комнате.

– Чем он занимается? – спросил Котто.

– Вы мне не поверите, сержант. – Улыбка на губах Ерко сделалась более ясной. – Полковник рассматривает журнал с голыми девочками. И, по-моему, получает от этого удовольствие.

Казарма едва не взорвалась от хохота. Образ полковника Остринского: высокий и сухой, словно щепка, с провалившимися щеками и острым носом, кончик которого едва не упирался в нижнюю губу, всегда подтянутый и неизменно чопорный, – никак не вязался с представлением о человеке, рассматривающем фотографии обнаженных девиц и жадно сглатывающем слюну.

– Признайся, ты это придумал? – отсмеявшись, спросил у Ерко сержант.

Николай даже не улыбнулся.

– Нет, я видел это.

– Ну, проверить-то мы все равно не можем, – развел руками сержант.

– Однако штабной блок находится в ста метрах от казармы. – Мияги задумчиво потер двумя пальцами переносицу. – Одно дело – заглянуть за ширму, рядом с которой находишься, и совсем другое – переместить свое сознание на сотню метров.

– По мне, так никакой разницы, – подумав, покачал головой сержант.

Мияги ничего не ответил, хотя по всему было видно, что он остался при своем мнении.

– Что произошло, когда я выходил из транса? – спросил Ерко, вспомнив о призрачных чудовищах и о том, что пришел в себя, сидя верхом на истошно вопящем Дрожкине.

– Что? – Дрожкин сорвался с места, готовясь высказать все, что накипело. – Да ты же меня чуть!..

– Все в порядке. – Сержант Котто хлопнул Дрожкина по плечу и глянул на него так, что солдат умолк на полуслове. – Все в порядке, – повторил он, улыбнувшись Ерко. – Ты поднялся на ноги прежде, чем вся дурь из головы вышла, тебя немного занесло, и ты сбил с ног Дрожкина.

Котто еще раз хлопнул Дрожкина по плечу, вроде как по-дружески. Словно ожидая удара, рядовой испуганно втянул голову в плечи.

Котто чуть сильнее надавил на плечо Дрожкина. Сообразив, что от него требовалось, рядовой сел на табурет.

– Слушай, а как далеко ты можешь заглянуть? – снова обратился к Ерко сержант.

– Не знаю, – немного смущенно улыбнулся Николай. – Я сегодня первый раз попробовал «шах». Даже не ожидал, что так получится.

– Надо бы это проверить, – сказал Котто.

– Нет, – отрицательно качнул головой Ерко. – Я больше «шах» в рот не возьму.

– Почему? – строго посмотрел на него сержант.

Ерко прикусил губу. Рассказывать о монстрах, что поджидали его на выходе из транса, было глупо. А какие еще доводы он мог привести?

– Мне это не доставляет никакого удовольствия, – сказал он.

– Чудак, – усмехнулся Котто. – Дело не в удовольствии, а в том, что твои способности наверняка можно использовать с пользой для дела.

Ерко недовольно поморщился.

– Для какого дела?

– Пока еще не знаю, – честно признался Котто.

* * *

Что чувствует человек, способный на то, что недоступно никому другому? Наверное, все зависит от самого человека. Ерко вначале почувствовал растерянность и недоумение. Он не мог поверить в то, что под действием «шаха» его сознание действительно способно удивительнейшим образом нарушать законы пространства и времени. Должно быть, именно желание убедиться в том, что все его сверхъестественные способности – это только невероятное совпадение, помноженное на причудливую игру воображения, которое заставляет верить в невозможное, подтолкнуло его к тому, чтобы снова попробовать «шах».

На этот раз эксперимент проходил под строгим наблюдением рядового Мияги, сержанта Котто и еще полтора десятка заинтересованных свидетелей. Задача, которую поставил перед собой Ерко, казалась невыполнимо сложной. Он попросил Мияги подняться на каменный гребень, тянущийся по краю Сырого провала, и кинуть вниз, как можно дальше, на самое дно котловины монету, которую Ерко собирался отыскать мысленным взором.

И ему это удалось. Хватило одной дозы «шаха», чтобы вновь скатиться по радужному водовороту, сорваться за край и в момент падения увидеть яркую вспышку стоп-кадра, запе-

чатлевшего монету достоинством в два евро, вставшую на ребро и почти наполовину ушедшую в песок на дне котловины.

Ерко пришел в себя, лежа на полу. Руки и ноги его были растянuty в стороны и прижаты к полу. В грудь давило колено сержанта Котто, куртка которого была разодрана так, словно по ней полоснул когтями огромный хищный зверь.

– Очнулся, – как будто с облегчением выдохнул Котто.

– Что произошло?

Ерко дернулся, пытаясь освободиться.

Помедлив несколько секунд, сержант Котто убрал колено с груди Ерко и знаком велел остальным отпустить его.

Николай сел и растерянно посмотрел по сторонам.

Выражения лиц тех, кто окружал его, были настолько разными, что, глядя на них, трудно было что-либо понять. Один только Дрожкин насмешливо ухмылялся.

– Ты что-нибудь помнишь? – спросил Мияги.

– Что я должен помнить? – недоумевающе посмотрел на него Николай.

– Ты набросился на сержанта с такой злостью, будто собирался разорвать ему горло. Мы все вместе с трудом смогли остановить тебя. Ты был похож на дикого зверя.

– На бешеного зверя. – Котто одернул на себе порванную куртку. – Между прочим, куртку ты ногтями располосовал.

Ерко удивленно посмотрел на свою руку, совсем не похожую на лапу хищника, и попытался вспомнить, что произошло после того, как он увидел стоп-кадр со вставшей на ребро монетой. Никаких визуальных образов. Только воспоминание. Воспоминание о страхе. О диком, животном ужасе, вырвавшемся из черных глубин подсознания. Это было куда страшнее тех монстров, что в прошлый раз пытались преградить ему путь на выходе из транса. Как будто он вдруг натолкнулся на то, что несло с собой мучительную и неминуемую гибель... Нет, то, что поджидало его на выходе из транса, как раз и было самой смертью. Он должен был умереть. Либо слиться со смертью в единое целое, чтобы самому стать смертью.

Ужас пронзил тело, словно ледяная игла. Между лопаток, щекоча, побежали капли пота. Не давая сделать вдох, грудь сдавил упругий обруч. Ерко чувствовал смерть внутри себя. Только чья это была смерть, он пока не знал.

– Ты не приходил в себя полторы минуты. – В голосе Мияги звучала неподдельная тревога.

Опершись рукой о пол, Ерко медленно поднялся на ноги. Казалось, каждое движение давалось ему с невероятным трудом. Он словно преодолевал сопротивление колоссальной, совершенно невыносимой в условиях Марса силы тяжести.

– Что это значит? – спросил он, глядя в пол.

– Какой-то побочный эффект. – Мияги пожал плечами, поскольку совершенно не был уверен в том, что говорил.

– А как насчет монеты? – спросил Дрожкин, по-прежнему продолжая глупо ухмыляться. – Ты ее видел?

Ерко даже не взглянул в сторону того, кто задал вопрос.

– Два евро.

Мияги тихо языком цокнул – удивленно, а может быть, восхищенно.

– К черту все, – отчаявшись привести в порядок разорванную куртку, сержант Котто сорвал ее и, скомкав, кинул в угол. – Не знаю, что с тобой происходит под «шахом», Ерко, но лучше никогда больше его не пробуй.

– Да, – согласился Мияги. – Трудно сказать, к чему все это может привести.

Ерко молча кивнул. Он был уверен, что больше никогда не положит на язык кусочек филтра, пропитанного «шахом». Он не хотел снова встречаться лицом к лицу со смертью,

потому что знал, что смерть сильнее его. Несоизмеримо сильнее и коварнее. В борьбе с ней у него не было ни малейшего шанса на победу.

* * *

И все же Николаю пришлось снова попробовать «шах». И не один раз.

Каким-то образом об удивительных способностях рядового Ерко стало известно полковнику Остринскому. Сержант Котто подозревал, что это Дрожкин постарался, но прямых доказательств у него не было.

Убедившись в том, что под воздействием «шаха» Ерко действительно может видеть то, что недоступно взору, полковник Остринский решил использовать удивительную способность рядового с целью сбора разведанных. Достоверная информация о системе обороны траггов дала возможность нанести внезапный удар именно на том участке, где противник менее всего этого ожидал.

Война на Марсе давно зашла в тупик, из которого, казалось, не существовало иного выхода, кроме переговоров с противником. Но командование такой вариант не устраивал. Война должна была закончиться полной и безоговорочной победой землян. В противном случае все то, что происходило на Марсе на протяжении последних двух лет, теряло какой-либо смысл. Даже если бы удалось выбить траггов из зоны Сырого провала, вряд ли эта победа серьезно повлияла бы на дальнейший ход боевых действий, но она была необходима для поддержания духа армии землян. И полковник Остринский полагал, что ради этого стоило рискнуть. Его не пугало то, что буйство, в которое впадал Ерко на выходе из транса, от раза к разу становилось все более неистовым и продолжительным. В целях безопасности полковник приказал Ерко надевать наручники перед тем, как он примет «шах». Кроме того, на сеансах ясновидения, которые теперь проходили в кабинете Остринского, присутствовали четверо солдат, удерживавшие Ерко, когда он впадал в буйство. По мнению полковника, приступы бешенства Ерко не стоили того, чтобы обращать на них внимание.

После них парень быстро приходил в себя. А то, что чувствовал он себя после сеансов ясновидения разбитым и подавленным, так это можно было просто не замечать – любая работа отнимает силы. Серьезная проблема заключалась в том, что во время транса Ерко видел лишь небольшой фрагмент территории, на которую мысленно пытался проникнуть. Только на то, чтобы отыскать основной рубеж обороны траггов, у него ушло девять сеансов. А сколько еще «шаха» нужно будет проглотить для того, чтобы в конце концов собрать законченную картину из тех разрозненных фрагментов, что ему удавалось увидеть? По сути, у Ерко не было выбора – откажись он от предложения полковника Остринского, и оно легко трансформировалось бы в форму приказа. Но, если вначале он с внутренним содроганием клал на язык пропитанный «шахом» кусочек фильтра, заранее представляя себе тот невообразимый ужас, у которого не было ни формы, ни названия, что непременно будет поджидать его на выходе из транса, то со временем он стал чувствовать только злость. Злость помогала ему вырваться из холодных когтей виртуальной смерти, которая не желала отпускать его назад, в реальный мир. Но она же и не давала ему становиться самим собой после выхода из транса.

Со временем погружение в транс превратилось для Ерко в некое подобие состязания, в вызов, который он уже по нескольку раз на дню бросал тому ужасу, что поджидал его за краем радужного водоворота, до центра которого он так ни разу и не сумел добраться. Ужас рвал его душу на части, выворачивал наизнанку, скручивал, мял и топтал, превращая в нечто совершенно непотребное.

Порой, глядя на свое отражение в зеркало, Ерко ловил себя на мысли о том, что человек, которого он видит по ту сторону стекла, незнаком ему. Когда-то очень давно он его знал. Но сейчас Ерко не мог даже имени его назвать.

Все это было похоже на галлюциногенный бред, продолжающийся наяву.

* * *

Эксперименты с «шахом» и попытками рядового Ерко мысленно проникнуть за оборонительные рубежи траггов продолжались одиннадцать дней. На двенадцатый день случилось то, что до сих пор с ужасом вспоминают в командовании Марсианской группировки.

Днем внезапно оборвалась спутниковая связь с 12-й пехотной ротой под командованием полковника Остринского. В семь часов вечера к месту дислокации роты был выслан десантный бат с группой быстрого реагирования на борту.

Бат приземлился на выровненной площадке перед штабным блоком. Войдя в корпус, десантники обнаружили шесть трупов, среди которых было и тело полковника Остринского. Насколько можно было судить при беглом осмотре, все шестеро были убиты без применения оружия – ни колотых, ни огнестрельных ран. У одного из солдат был вырван глаз и пробито дно глазницы, у другого разорван живот, у третьего проломлена грудная клетка. У полковника Остринского была вырвана гортань. Остальные также имели различные травматические повреждения, несовместимые с жизнью. При этом в комнате отсутствовали признаки борьбы. Мебель и вещи стояли на своих местах, лишь только стул был опрокинут. Глядя на все это, можно было подумать, что шестеро взрослых мужчин были убиты одновременно, не успев даже понять, что происходит.

Продолжив осмотр штабного блока, десантники обнаружили еще два тела. Это были офицеры, убитые точно так же, как и остальные, без применения оружия.

Не отыскав в штабном блоке ни единой живой души, десантники направились в казарменный корпус.

Картина, которая предстала их глазам, когда они вошли в казарму, была поистине ужасна. Помещение было завалено трупами, лежавшими в жутких, неестественных позах. У многих мертвых были оторваны конечности и свернуты шеи. А в центре всего этого побоища, на крошечном свободном от трупов участке пола, с ног до головы перемазанный кровью, сидел на табурете рядовой Ерко. Глаза его были закрыты, руки лежали на согнутых коленях, а тело слегка раскачивалось из стороны в сторону. Ерко находился в состоянии транса, и все попытки десантников вернуть его в реальность не увенчались успехом.

Официальная комиссия, занимавшаяся расследованием гибели 12-й роты, в итоге списала все на траггов. Что было невообразимо глупо, поскольку существовал целый ряд вопросов, на которые так и не удалось дать вразумительных ответов. Ну, например, почему, уничтожив всю роту, трагги оставили в живых Ерко? Почему, захватив позицию землян, трагги вместо того, чтобы закрепиться на ней, снова ушли? И, наконец, почему все земляне были убиты голыми руками? Те же, кто видел трупы в казарме, так и просто головами качали. Десантники, первыми обнаружившие мертвых, говорили, что невозможно себя представить, кто бы мог это сделать. Люди были убиты с ужасающей своей бессмысленностью жестокостью, на которую даже дикий зверь не способен.

Что на самом деле произошло в расположении 12-й роты, по сей день остается загадкой. Потому что некому об этом рассказать. Ерко провел два месяца в гарнизонном госпитале. Командование не спешило отправлять его на Землю, дожидаясь, когда уляжется шум вокруг чудовищно нелепой гибели 12-й роты. Ерко не реагировал ни на какие внешние раздражители. Время от времени губы его начинали шевелиться, как будто он пытался что-то сказать, но при этом с них не слетало ни звука. Никаких проявлений агрессии с его стороны зафиксировано не было. Напротив, он был беспомощен, как новорожденный младенец, требующий постоянного присмотра.

В конце концов командование приняло решение замять потихоньку это дело. Получив звание сержанта и орден «За заслуги перед Отечеством», Ерко отбыл на Землю, где был помещен в закрытый санаторий для высших чинов Министерства безопасности и обороны.

Ерко не знал, что происходит вокруг него. Сидя на кровати с закрытыми глазами, он наблюдал за завораживающим вращением радужного водоворота. Он не хотел возвращаться в реальный мир, у врат которого стояла смерть. Однажды он уже попытался убить смерть, а в результате... Нет, он даже думать об этом не желал!

День за днем

Больше хороших новостей

Утром Семен Сергеевич Вакулин проснулся раньше обычного – нынче должны были принести свежий номер «Хороших новостей». На часах было без четверти семь, почтальон же еще ни разу не приходил раньше восьми. Семен Сергеевич еще пару минут полежал, глядя в потолок, затем тяжело вздохнул, откинул одеяло и, кряхтя, поднялся на ноги. Накинув старый, протершийся на локтях едва не до дыр халат, Семен Сергеевич прошел на кухню, наполнил водой чайник и поставил его на плиту, после чего направился в ванную. Дверь в ванную Семен Сергеевич оставил открытой и воду пустил тоненькой струйкой, чтобы было слышно, если вдруг позвонят в дверь. Однако, пока он умывался, долгожданный звонок так и не прозвучал. Заваривая чай в стакане, Семен Сергеевич бросил в кипяток всего несколько крупинок заварки – чая в банке оставалось на доньшке, а что за новости принесет сегодня почтальон, неизвестно. Случалось, хороших новостей не хватало и на куда более необходимые вещи, нежели чай. Так что приходилось экономить. Разорвав пакетик из грубой оберточной бумаги, Семен Сергеевич высыпал в тарелку горсть серого порошка и залил его кипятком. Получившаяся овсяная каша как по виду, так и на вкус напоминала крахмальный клейстер, но на завтрак вполне годилась. Тем более что и выбирать-то особенно было не из чего. Позавтракав, Семен Сергеевич вымыл тарелку, вернулся в комнату и включил старенький черно-белый телевизор. Собственно, рано утром смотреть по телевизору было нечего, но нужно же было как-то убить время до прихода почтальона. Оставив без внимания утреннюю зарядку, познавательный рассказ о том, как происходит деление амебы, и фрагменты балета незабвенного Петра Ильича Чайковского, Семен Сергеевич остановил свой выбор на фильме «Подвиг разведчика» – наблюдать за бессмысленным мельканием черно-белых фигур на экране было все же интереснее, чем следить за мучительно медленным передвижением минутной стрелки по циферблату будильника.

Звонок в дверь оторвал Семена Сергеевича от телевизора в тот самый момент, когда начался эпизод, который больше всего ему нравился, – советский разведчик Федотов, находясь в фашистском тылу, только-только взялся за создание предприятия по скупке свиной щетины, которая в скором времени, по его прикидкам, должна была превратиться в золото. Забыв о щетине и о разведчике, который был уже близок к тому, чтобы совершить свой обозначенный в названии фильма подвиг, Семен Сергеевич схватил со стола приготовленные еще с вечера паспорт и пенсионное удостоверение и кинулся к двери.

– Доброе утро, – строго глянул на него из-под блестящего козырька голубой форменной фуражки почтальон.

– Здравствуйте, – почтительно улыбнулся Семен Сергеевич парнишке, которому было чуть больше двадцати.

Почтальон посмотрел на номер квартиры, словно сомневался, туда ли он зашел, после чего заглянул в книгу доставки.

– Семен Сергеевич Вакулин? – снова глянул он на хозяина.

– Да, – торопливо кивнул Семен Сергеевич и, не дожидаясь дополнительных вопросов, протянул паспорт и пенсионное удостоверение.

Процедура получения «Хороших новостей» была ему хорошо знакома – вот уже без малого пять лет, как Семен Сергеевич ушел на заслуженный отдых и стал получать специальную ежемесячную газету для пенсионеров. Да и парнишка, разносивший газеты не первый месяц, должен был уже запомнить Вакулина в лицо, но тем не менее каждый раз делал вид, что видит его впервые. Семен Сергеевич был на него не в обиде – понятное дело, работа ответственная, – но почему-то всякий раз, когда почтальон брал в руки его документы и начинал сличать их с теми данными, что значились в книге доставки, Семену Сергеевичу казалось, что на этот раз он непременно найдет какое-нибудь несоответствие, которого на самом-то деле быть не могло, поскольку «Хорошие новости» Семен Сергеевич получал на абсолютно законных основаниях.

Проверив документы, почтальон вернул их владельцу.

– Распишитесь, – приказным тоном произнес он, протянув Семену Сергеевичу раскрытую книгу доставки, в которой галочкой было отмечено место, где пенсионер должен был поставить подпись.

Взглянув на неразборчивую закорючку, нацарапанную Семеном Сергеевичем, почтальон неодобрительно качнул головой, но все же открыл сумку и вручил гражданину Вакулину причитающуюся ему газету. Коротко козырнув на прощание – не из вежливости, а исключительно по долгу службы, – почтальон побежал вниз по лестнице.

Тщетно стараясь унять дрожь волнения в руках, Семен Сергеевич аккуратно расстелил тонкую четырехполосную газету на столе. Пять лет назад, когда Семен Сергеевич только начал получать «Хорошие новости», газета была восьмиполосной. Но с тех пор многое переменялось. И, к сожалению, далеко не в лучшую сторону.

Положив по правую руку от себя маникюрные ножницы, простой карандаш, прозрачный пластиковый трафарет размером с пол-ладони и официальный справочник, в котором были приведены как позитивные, так и негативные значения ключевых слов и словосочетаний вместе с их оценкой в баллах, Семен Сергеевич приступил к изучению газеты.

На первой странице, как обычно, красовался портрет отца нации, настолько большой, что невозможно вырезать по трафарету даже улыбку. Фотоулыбка оценивалась в десять положительных баллов – не много, но хоть что-то, – а вот фрагмент улыбки не стоил ничего. Под портретом располагалось традиционное ежемесячное обращение отца нации к своему народу – буквы крупные, а строчки длинные. И так и эдак приложив прозрачный трафарет к тексту выступления, Семен Сергеевич убедился, что из него можно вырезать не более десяти-двенадцати слов, оцениваемых положительными баллами.

Но зато Семену Сергеевичу удалось выловить превосходное словосочетание «выдающиеся успехи», которое оценивалось аж в пятьдесят пять баллов. Однако, прежде чем резать газету, нужно было посмотреть, что напечатано на другой стороне листа, иначе окончательный баланс мог оказаться и со знаком минус.

На второй полосе газеты была напечатана большая статья известного экономиста, который в целом позитивно оценивал наметившиеся сдвиги в российской экономике. Проблема заключалась в том, что, как и любой другой эксперт, экономист нередко использовал слова двойственного значения, которые в зависимости от контекста можно было оценить и как положительные, и как отрицательные. А вырезать из текста прямоугольный кусочек размером со стандартную игральную карту и при этом сохранить контекст, в котором было использовано то или иное слово, было практически невозможно. Так что, повозившись какое-то время с длин-

ной, путаной и невероятно противоречивой статьей экономиста, Семен Сергеевич сделал из нее всего четыре вырезки, общая сумма положительных слов в которых едва дотягивала до ста баллов.

Под статьей экономиста располагался большой военный репортаж. Фотографий, по счастью, было немного, всего две, но при этом ни одна из них не годилась для вырезки – слишком уж мрачные были лица и грустные глаза у запечатленных на них солдат. При взгляде на них тоска пробирала до самого сердца и как-то совсем не верилось в то, что, как утверждал корреспондент, наши бойцы рвались в бой с ненавистным врагом, окончательная победа над которым была уже не за горами. Но в целом репортаж с мест боев был в высшей степени оптимистичным. Беда заключалась лишь в том, что корреспондент то и дело использовал слова «число потерь», «раненые», «выведенные из строя», «потери в живой силе», «жертвы бомбометания» и тому подобные. Естественно, колоссальные потери несли вооруженные бандформирования, а наши доблестные воины продолжали свое победоносное шествие по освобожденным территориям, не обращая внимания на то, что за спиной у них тлеют очаги новых восстаний. Но, как ни крутил Семен Сергеевич прозрачный пластиковый трафарет, ему так и не удавалось выбрать хоть несколько слов, из которых было бы ясно, кто кому нанес очередной сокрушительный удар. В конце концов ему пришлось делать вырезки, взяв за основу выступление отца нации и стараясь, чтобы слова-минусы из репортажа с театра военных действий не забивали слова-плюсы из речи главы государства.

Закончив с первыми двумя полосами, Семен Сергеевич решил, что можно позволить себе немного отдохнуть, и сходил на кухню, чтобы заварить чай. На этот раз он сыпанул заварку в кружку щедрой рукой, и чай получился хотя и не ароматный, но достаточно темный для того, чтобы назвать его крепким. Выпив чаю с галетами, которые оказались настолько черствыми, что их невозможно было разжевать, не размочив предварительно в кипятке, Семен Сергеевич вновь взялся за «Хорошие новости». Впереди его ожидало самое приятное – третья и четвертая полосы газеты, на которых обычно не было ни слова о политике.

Настроение Семена Сергеевича резко испортилось, едва только он увидел заголовок «Борьба с преступностью продолжается». Само собой, в статье речь шла о выдающихся достижениях органов правопорядка в деле искоренения преступности. Но опыт подсказывал Семену Сергеевичу, что искать слова-плюсы в статьях, посвященных криминалу, было бесполезной тратой времени. И все же он добросовестно просмотрел статью, чтобы еще раз убедиться в том, что ни одного дополнительного балла выловить из нее не удастся. А вот колонка, посвященная краеведению, астрологический прогноз и сводка погоды позволили Семену Сергеевичу сделать вырезок сразу на триста семьдесят пять баллов.

Четвертую полосу занимали рекламные объявления и короткие заметки с информацией о театральных премьерах и вернисажах, так что на обратных сторонах вырезок, сделанных Семеном Сергеевичем с третьей полосы, набралось еще около трех десятков положительных баллов.

Смахнув на пол изрезанную газету, Семен Сергеевич принялся сортировать вырезки, суммируя положительные баллы. К сожалению, на вырезках попадались и слова-минусы, но, подсчитав окончательный результат, Семен Сергеевич испытал небывалый прилив оптимизма. У него на руках имелось ровно семьсот тридцать два положительных балла! Это означало, что после уплаты двухсот сорока одного балла за жилье и вычета четырехсот тридцати баллов, которые следовало отложить на питание, у него оставался еще шестьдесят один балл! А поношенные, но все еще крепкие зимние ботинки, что давно уж присмотрел себе в магазине для малоимущих Семен Сергеевич, стоили ровно шестьдесят баллов!

Семен Сергеевич в возбуждении провел ладонью по лбу, так, будто на нем выступила испарина. Переведя дух, он суетливо, совершая массу ненужных движений, собрал вырезки в стопку, вложил их между страницами паспорта и начал одеваться.

Погода на улице была исключительно мерзкой. Видно, действительно что-то неладное происходило с природой: в середине декабря с неба сыпал мелкий дождик, а под ногами хлюпали лужи, на дне которых таился предательский лед. Довершали неприглядную картину кучи собачьего дерьма на асфальте, между которыми можно было пройти, только проявив мастерство незаурядного танцора. Но сегодня Семен Сергеевич ничего этого не замечал. До районной управы можно было добраться на автобусе, проехав две остановки, но автобусы ходили так редко, что Семен Сергеевич решил, что быстрее дойдет пешком. Он шел, втянув голову в плечи, запахнув старенькое, поношенное пальто и не вынимая руку из кармана, где у него лежали документы и вырезки из «Хороших новостей».

У приемного окошка змеилась очередь человек в тридцать. Семен Сергеевич обреченно вздохнул и безропотно пристроился в хвост очереди.

Очередь двигалась мучительно медленно. Каждый пенсионер задерживался у окошка по меньшей мере минут на десять, что-то терпеливо объясняя приемщице, а порою даже пытаясь в чем-то убедить девушку в окошке. Вначале Семену Сергеевичу было почти нестерпимо тоскливо стоять в конце очереди, которая, казалось, вообще не двигалась с места, но после того, как следом за ним пристроился хвост длиною не меньше той колонны людей, что стояла впереди, он несколько воспрянул духом. Уж если люди, стоявшие следом за ним, надеялись, что сегодня им удастся сдать свои вырезки из «Хороших новостей», то у него и подавно были все шансы добраться до заветного окошка прежде, чем на нем появится табличка с убийственной в своей прямоте надписью: «Прием закончен».

Без четверти шесть, простояв на ногах без малого семь часов, Семен Сергеевич наконец-то смог заглянуть в окошко, за которым сидела приемщица – смурная девица неопределенного возраста с растрепанной прической и небрежно наложенным не в меру ярким макияжем, одетая в белую блузку и нестерпимо красную кофточку. Семен Сергеевич попытался приветливо улыбнуться приемщице, но, поскольку сил у него уже почти не оставалось, улыбка получилась несчастной и жалостливой, точно у нищего, протягивающего руку за подающим.

– Ну, давайте, что ли, – недовольно глянула на Семена Сергеевича приемщица.

Семен Сергеевич торопливо сунул в окошко свое пенсионное удостоверение и паспорт, в который были вложены вырезки.

Заглянув в пенсионное удостоверение и сверив номер паспорта, приемщица веером раскинула на столе перед собой вырезки и, вооружившись трафаретом, взялась за проверку. Семен Сергеевич с волнением наблюдал за происходящим. Он даже привстал на цыпочки, но ему все равно не было видно, какие цифры проворно набивает приемщица на клавиатуре стоявшего справа от нее калькулятора.

Проверка заняла чуть больше двадцати минут.

– Шестьсот пятьдесят два балла, – сообщила приемщица, возвращая Семену Сергеевичу документы.

– Как? – Семену Сергеевичу показалось, что он ослышался.

– Шестьсот пятьдесят два балла, – повторила приемщица и принялась отсчитывать торговые купоны.

– Простите, – доверительно наклонился к окошку Семен Сергеевич. – Но, по моим подсчетам, выходит семьсот тридцать два...

– Считайте правильно, – решительно прервала его приемщица.

– Но я все тщательно проверил...

Приемщица посмотрела на Семена Сергеевича так, словно он нахально пытался заглянуть ей под юбку.

– Вы что, думаете, я ваши баллы себе в карман положила? – с вызовом спросила она.

– Нет! – Семен Сергеевич с праведным возмущением отмел самую возможность каких-либо злоупотреблений со стороны приемщицы. – Конечно же, нет! Но все же, – заискивающе улыбнулся он, – быть может, вы еще раз проверите?

– Вы видели, какая очередь за вами? – с укоризной посмотрела на Семена Сергеевича приемщица.

– Совершенно верно, гражданин, – заворочался за спиной у Семена Сергеевича старичок в старой болоньевой куртке и драном заячем треухе. – Не задерживайте очередь. Девушка знает свое дело.

Следом за стариком зароптали и другие люди из очереди.

– Я все понимаю, – снова обратился к приемщице Семен Сергеевич. – Но все же... Разница получается в восемьдесят баллов...

– А я здесь при чем? – не глядя на Семена Сергеевича, пожалла плечами приемщица.

Отсчитав купонов на сумму в шестьсот пятьдесят два балла, она выложила перед Семеном Сергеевичем несколько разноцветных бумажек с портретами Пушкина, Достоевского, Чехова и Толстого.

Зажав купоны в кулак, Семен Сергеевич все же не торопился отходить от окошка.

– Ну, в чем там у вас дело, гражданин? – снова завозился за спиной Семена Сергеевича дед в заячем треухе. – Можно подумать, вы один купоны получаете!

– Простите, – вновь обратился к приемщице Семен Сергеевич. – Но, может быть, вы объясните мне, как получилось, что мы с вами по-разному подсчитали количество баллов на моих вырезках?

Приемщица вздохнула устало и безнадежно.

– Для оценки слов вы пользовались официальным справочником, выпущенным в марте этого года?

– Конечно, – заверил приемщицу Семен Сергеевич.

Приемщица достала из стола брошюру и показала ее Семену Сергеевичу.

– Это дополнение к официальному справочнику, выпущенное две недели назад, – объяснила она. – В соответствии с ним балльная оценка пятисот тридцати трех слов изменена.

– И как же теперь? – растерянно развел руками Семен Сергеевич.

Приемщица снова вздохнула.

– Десять купонов за брошюру.

Семен Сергеевич по-прежнему пребывал в состоянии глубочайшей растерянности. Почти не понимая, что делает, он протянул приемщице красную бумажку с портретом Достоевского. Получив в обмен брошюру с дополнениями к официальному справочнику, он сунул ее в карман и, запахнув пальто, вышел на улицу.

Медленно передвигаясь по скользкому, грязному асфальту, Семен Сергеевич пытался подсчитать в уме, сумеет ли он с оставшимися шестьюстами сорока двумя купонами дожить до следующего выпуска «Хороших новостей». Он понимал, что изменения в официальный справочник были внесены вовсе не потому, что правительство хотело таким образом ущемить интересы граждан. Страна переживала сложный переходный период. И в том, что он тянулся уже не первое десятилетие, не было ничьей вины. Как говорил в своем последнем обращении к дояркам и скотницам отец нации, «лучше трудное, связанное с лишениями и жертвами движение вперед, чем бесконечное и бессмысленное топтание на месте». Семен Сергеевич был согласен с отцом нации. Он был готов идти на жертвы. Но только что он мог сделать для своей страны, если купонов, которые он получил сегодня в районной управе, могло хватить на месяц только при том условии, если он полностью откажется от сахара, а цены на остальные продукты питания не взлетят вверх так же стремительно, как это случилось в начале осени? И, кроме того, ему нужны были зимние ботинки. Пусть не новые, но такие, в которые снег не набивался

бы через расползшиеся швы. Ботинки стоили шестьдесят купонов, которых у Семена Сергеевича не было.

Семен Сергеевич протяжно, с прискорбием вздохнул. Он понимал ситуацию, а потому не роптал. Нынче всем было нелегко. И не было смысла искать виноватых, поскольку вина за то, что происходило в стране, в равной мере лежала на всех: как на тех, кто бездарно руководил ею, так и на тех, кто безропотно соглашался со всем, что они творили. Что оставалось Семену Сергеевичу Вакулину, сжимавшему в кулаке тоненькую пачку разноцветных бумажек, которые, как он верил, должны были помочь ему протянуть еще один месяц? Только надеяться на то, что в следующем месяце в газете будет больше хороших новостей и он наконец-то сможет набрать столь необходимые ему баллы, чтобы купить зимние ботинки. Пусть не новые, но еще крепкие.

Только один день

Отыскав прореху в неплотно задернутых шторах, солнечный луч скользнул в комнату. Сначала он коснулся сухих, чуть приоткрытых губ человека в синей линялой майке и черных спортивных брюках с широкими белыми полосами по бокам, спавшего на кровати. Корнилыч во сне разлепил губы, провел по ним языком и что-то невнятно пробормотал. Луч поднялся выше и пощекотал ему кончик носа. Корнилыч поморщился и взмахнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. Луч скользнул по задубевшей коже щеки, оживить чувствительность которой у него не было ни малейшего шанса. Наконец ему с трудом удалось протиснуться между опухшими веками и ущипнуть спавшего за глаз. Корнилыч оглушительно чихнул, потер глаз кулаком, с трудом разлепил веки и, приподнявшись на локте, огляделся по сторонам.

– Порядок, я дома.

Сев на кровати, Корнилыч поставил босые ноги на грязный, затоптанный линолеум. Глубоко вздохнув, он медленно выпустил воздух из груди и, как собака, вылезшая из воды, потряс головой. Голова отозвалась привычной тупой болью. Корнилыч поскреб ногтями дремучую щетину на щеке. Он даже и пытаться не стал найти что-нибудь на опохмел – не имел привычки оставлять заначку на утро, – а сразу же потопал на кухню.

Напившись вдоволь холодной воды из-под крана, Корнилыч провел мокрыми руками по волосам, зачесывая их назад, и посмотрел в окно. Надеясь отыскать какую-нибудь мелочь, оставшуюся после вчерашнего, он запустил обе руки в карманы брюк и принялся сосредоточенно перебирать пальцами неровные швы. Занятый этим важным и нужным делом, Корнилыч одновременно имел возможность любоваться крышами родного Ярска, благо жил он на самом верхнем этаже девятиэтажного дома.

Высоких домов в Ярске было немного – все больше двух – и трехэтажные деревянные бараки, выстроенные еще после войны, да стандартные серые пятиэтажки, похожие на отбракованные каменщиком, плохо обожженные, потрескавшиеся кирпичи. Конечно, имелись в Ярске и своя библиотека, и пара кинотеатров, и рынок, и несколько больших универсальных магазинов, и гостиница, и даже непонятное заведение с чудным названием «Клуб Романтиков», в которое Корнилыч, опасаясь подвоха, никогда не заглядывал. Главными достопримечательностями Ярска были оперный театр, выстроенный в конце семидесятых по спецпроекту, и огромная, в три человеческих роста, голова вождя, вырезанная из черного гранита, до сих пор стоявшая перед зданием бывшего горкома. И все же, несмотря на это, Ярк, как и любой другой заштатный провинциальный городок, был сер, скучен и невзрачен.

Но это только в центре. Нужно было лишь немного отойти в сторону от асфальтовых дорог и вытоптанных газонов, чтобы оказаться в удивительном мире народных сказок. На окраине Ярска каждый домик, от первого бревна до последней черепицы на крыше, был выстроен руками хозяев. Впитав их пот и тепло, дома сделались похожи на своих жильцов, как бывают похожи на хозяев собаки, – этот злобно скалится на проходящих мимо высоким частоколом забора и щелкает тяжелыми воротами с тремя засовами и пятью замками, а тот приветливо, как дворняга хвостом, машет флюгером в виде петушка, взлетевшего на крышу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.